П 24

Ю.А. Дворяшин

Постижение Сибири

Очерки просвещения и культуры
Тюменского края

Юрий Александрович Дворяшин – доктор филологических наук, профессор Сургутского государственного педагогического института, член Союза писателей России. Специалист по русской литературной классике XX века. Известный исследователь творчества М.А. Шолохова. Лауреат Всероссиской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка 2003 года «за совокупность работ о творчестве М.А. Шолохова и существенный вклад в российское литературоведение». Автор ряда статей по литературному краеведению Сибири.

Светлой памяти моих родителей,
Татьяны Дмитриевны и Александра
Никитовича, посвящаю.

Ю.А. Дворяшин

Постижение Сибири

Очерки просвещения и культуры Тюменского края

ДИОРИТ
СУРГУТ
2004

ББК 84 (2Рос-Рус)6-4
Д 24

Дворяшин Ю.А.
Д 24 Постижение Сибири: Очерки просвещения и культуры Тюменского края.— Сургут: Диорит, 2004. – 144 с.: ил.

ISBN 5-93723-011-6

ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

© Дворяшин Ю.А., 2004
© Диорит, 2004

ISBN 5-93723-011-6

От автора

С детских лет где-то в самой глубине моего сознания живет чувство очарования Сибирью. Мой родной город Ачинск расположился на берегах стремительного и извилистого Чулыма – правой притоки могучей Оби. Это замечательные своей таежной прелестью места, край, до сих пор покоряющий человека своей первозданностью и какой-то обнаженностью мощного и своенравного характера. Кажется, что природный сибиряк и рождается с ощущением тайны распахивающегося перед ним мира. Удивляться есть чему. Прежде всего, пожалуй, странному, на первый взгляд, противоречию между суровыми климатическими условиями – зимой трескучие морозы и студеные ветры, леденящие все живое; летом гнус и комарье, от которых «спасу нет» – и могущественным проявлением жизни, просто взрывом каким-то подспудно таящихся сил. Трудно не поразиться этой силе, стоя у подножия устремившегося ввысь, как будто подпирающего небо величественного кедра или неожиданно натолкнувшись сре-

ди лесной чащи на изумительные в своей красе таежные цветы.

Загадки множатся, когда соприкасаешься с уходящим в прошлое всем строем жизни сибиряков. Прошлое для человека и всегда-то стремится обрести черты сказочности, но по отношению к трудной жизни моих земляков это влечение к тайне заметно усиливается. Человек ведь становится особенно интересным в моменты преодоления то ли самого себя, то ли внешних обстоятельств. Ну, а уж на долю сибиряка всегда хватало всякого рода возможностей для преодоления. Знаю об этом в том числе и по рассказам мамы, Татьяны Дмитриевны, урожденной Андреевой, коренной сибирячки. Ей было что рассказать, ведь она знала, что предки ее побывали в непростых жизненных переплетах. По свидетельству современного ученого, «другой распространенной русской фамилией в Сибири (после Алексеевых. – *Ю.Д.*) среди служилых казаков были Андреевы. Их видим среди стрельцов, и пеших и конных казаков, среди сынов боярских – этой служилой «аристократии» того времени. Одни из Андреевых, как Иван и Юшка из Тюмени и Березова – ходили далекими походами и воздвигали новые города на сибирской «украине» – Ачинск, Нерчинск». (См.: Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 17).

Какие удивительные характеры лепились здесь временем и судьбой! Резонно посетовать вслед за В.Г. Распутиным о том, что «не нашлось в среде сибиряков ярких романистов, которые описали бы древнюю Сибирь с той же после-

довательностью и живостью, с той же художественностью и страстью, как наши современники Валентин Иванов и Дмитрий Балашов показали древнюю Русь. А уж в Сибири было где и на чем разгуляться удалому перу». (Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... – М.: Молодая гвардия, 1991 – С. 265).

Впрочем, разве только минувшая жизнь сибирского края достойна пера большого художника? Стремительно протекающий день нынешний, конечно, трудно уловим в сущностных очертаниях, зачастую противоречив в своих деяниях, но, думается, не менее интересен и как мгновение исторической судьбы Сибири, и с точки зрения человековедческой.

Вот, скажем, последние 2–3 десятилетия перед всей Россией, а потом и перед всем миром особенно рельефно высветился город Сургут – крупнейший отечественный центр нефтяной и газодобывающей промышленности, имеющий за плечами четырехсотлетнюю историю. Изменения в этом городе столь быстротечны, что за ними не всегда успевают уследить и сами его жители. Как этот неистовый бег времени отражается в их внутреннем облике?

Характерна такая черта: современный сургутянин часто бывает непосредственно связан своей деятельностью с делами, имеющими общероссийский и даже мировой масштаб. При этом он в полной мере несет ответственность за успех этих дел. Разве он не ощущает свою способность совершать то, равного чему нет нигде?

С особенной яркостью чувствуешь это, находясь в цехах крупнейшей в мире тепловой электростанции Сургутской

ГРЭС-2 или любуясь уникальным красавцем — автомобильным мостом через Обь. Все это сооружено и эксплуатируется нашими соотечественниками — простыми, скромными людьми. И все это с неизбежностью сказывается на чертах их характера, медленно, но неуклонно формируя личности крупные, решительные, под стать современности.

И все это тоже Сибирь с ее могучей природной статью, с ее буреломной историей, устремленная в будущее. Так что автору, взявшемуся размышлять над ее тайной, предстоит нелегкое дело. Предмет осмысления столь огромен и многосложен, что его постижение не может быть одномоментным. Это процесс, причем процесс явно не завершенный. На него и всей жизни недостанет. Поэтому и книга эта писалась не в один присест и без намерения ответить на все вопросы. Мне хотелось поделиться своим личным опытом узнавания и понимания Сибири. В этом смысле предлагаемые читателю очерки субъективны — их автором владеет неутолимая жажда постижения судьбы и сущности своего родного края. Но если бы это было лишь одной побудительной причиной, вряд ли я отважился эту книгу публиковать. В конце концов, у каждого из нас — своя Сибирь, и далеко не всякий ее образ может быть интересен всем. Но мною владело и еще одно желание: показать, как постигали Сибирь, узнавали ее людей, изумлялись и радовались ее самобытности выдающиеся наши соотечественники от А.С. Пушкина и П.П. Ершова до В.Г. Распутина. Надеюсь, что это поможет неравнодуш-

ному читателю в определении своего чувства к родному Отечеству.

Конечно, нельзя сказать, что выбранный мною в этой книге путь совсем не проторенный. Многие из соотечественников, в том числе и земляков, уже прошли этой дорогой, оставив свои обретения и находки, относящиеся к истории Сибири. Для меня эти находки важны, и я их с благодарностью принимаю. Но думается, что этот путь достаточно широк, чтобы двигаться по нему не след в след, а рядом – работы хватит для всех на многие годы. Пусть же объединяет нас в этом деле главное – верная и искренняя любовь к родной Сибири.

Одним из замечательных проявлений сибирской культуры уже в конце XVIII – начале XIX вв. стало краеведение. Удивительно, что уже в то время едва ли не повсеместно в нашем крае представители народной интеллигенции стремились запечатлеть в слове современное его состояние. Ими владело убеждение, что некогда для потомков их сведения и размышления будут чрезвычайно важны и интересны. Имея это в виду, публикую в приложении один из наиболее известных, но чрезвычайно любопытных краеведческих документов – очерк штатного смотрителя Ишимского уездного училища М. Демина «Статистическое описание города Ишима и Ишимской округи», написанный в 1829 г. Содержание этого очерка не используется современными краеведами, вероятно, из-за его трудной доступности – издание отсутствует даже в Российской государственной библиотеке.

О Сибири как пространстве культуры

Каждому, кто хоть однажды пересекал российские земли, лежащие на восток от Урала, знакомо чувство изумления от необъятности этих просторов. Часто в этом случае справедливо говорят: «Дух захватывает!» Многим кажется, что безграничность просторов Сибири это и есть главная качественная ее характеристика. С середины XX в. весь мир убедился в том, что сибирский край это еще и неисчерпаемая кладовая полезных ископаемых. Но при этом менее всего обращается внимание на мощный человеческий потенциал тех людей, которые веками осваивали и жили на суровой, продуваемой всеми ветрами, каленой сибирскими морозами земле.

Самобытные черты личности сибиряка без труда можно было бы различить в особенностях организации им своей жизнедеятельности, то есть в проявлениях его культуры, но об уровне культурного развития русского населения Сибири в XVIII–XIX вв. говорится лишь в специальных научных исследованиях, которые далеко не всег-

да становятся известными широкому кругу читателей. Случайно ли стала расхожей байка о медведях, разгуливающих якобы по улицам сибирских городов, имеющая целью подтвердить суждение о предельной удаленности этого края от цивилизации и культуры. Эта выдумка встречается еще и сегодня среди вопросов любопытствующих иностранцев, коим простительно дремучее невежество, тем более что и некоторые чересчур «цивилизованные» наши соотечественники в этом отношении не так далеко от них ушли.

Между тем, люди, имевшие возможность еще в стародавние времена познакомиться с бытом сибиряков непосредственно, бывали несказанно удивлены в первую очередь именно состоянием их бытовой культуры. Немало свидетельств такого рода изумления оставили нам декабристы. Так, в воспоминаниях декабриста А.П. Беляева сообщается, в частности, о том, как по пути на каторгу им доводилось неоднократно останавливаться в крестьянских жилищах. Одно из таких посещений описано с особой тщательностью: «Мы въехали в первую по дороге избу; но избой я неправильно назвал очень хороший дом, где царствовала необыкновенная чистота. Полы, потолки, скамьи из кедрового дерева, все это блестело, и, на пол уронив хлеб, смело можно было его есть. В Сибири два раза в неделю все моется, скоблится, а печи белятся» (1. С. 301).

Высокий уровень требовательности к бытовой чистоте и опрятности испокон веку был для сибиряков безуслов-

ной нормой. Подтверждения тому находим во многих других мемуарах. Соузник В.П. Беляева В.И. Штейнгейль свидетельствовал: «Отличительную черту составляет здесь (в Сибири. – *Ю.Д.*) вообще наблюдаемая в домах чистота. В самых бедных домах нельзя увидеть той неопрятности, какая встречается в России от содержания домашних животных в той же избе, в которой живут сами. Большей частью избы выбелены внутри; и это подновляется, по крайней мере, раза два в год, особенно к большим праздникам, как то, к Рождеству и к Пасхе. Полы держат в изумительной белизне: загаженный пол – стыд хозяйке, хотя это сопряжено с особенной трудностью... В одежде видна не только опрятность, но и щегольство. Каждый крестьянин, чуть небедный, старается иметь синий кафтан, каждая женщина носит зимой шубейку или епанечку на беличьем меху, крытую шелковой материей» (2).

Более чем через шесть десятилетий по тому же сибирскому пути, что и декабристы, проехал отправившийся для изучения быта переселенцев и каторжан на Сахалин А.П. Чехов. Его суждения о бытовом укладе сибиряков, запечатлевшиеся в знаменитых очерках «Из Сибири», чуть ли не дословно повторяют мнения предшественников: «Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница – это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. Стены белые, полы не-

пременно деревянные, крашеные или покрытые цветными холщовыми постилками; два стола, диван, шкаф с посудой, на окнах горшки с цветками. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь — утонешь. Сибиряки любят мягко спать» (3. С. 14).

Разумеется, не случайно столь пристальное внимание со стороны весьма разных европейски образованных наблюдателей к приметам бытовой культуры сибиряков. В значительной мере оно объясняется неожиданностью открытия: готовились увидеть в этой тьмутаракани грязь и запустение, а обнаружили совсем другое. Однако истоки этого замечательного явления оставались для путешественников загадкой, в чем некоторые из них не без простодушия признавались: «Но откуда взялась эта всеобщая, до педантства простиравшаяся чистота и опрятность, то это поистине непонятно. Край этот не имел никакого сообщения с западным цивилизованным миром. Некоторые думают, что это было влияние известных сибирских администраторов, каковы были губернатор Трескин при генерал-губернаторе Пестеле и исправник Лоскутов, но все же это их влияние должно было ограничиваться тем округом, где действовало их управление; со временем же это влияние все же должно было прекратиться; а здесь, напротив, эта чистота общая губерниям всей Сибири: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, за Байкалом и повсюду» (1. С. 301–302).

Показательно это почти инстинктивное стремление серьезного и разумного человека, декабриста А.П. Беляева отыскать истоки качеств бытовой жизни сибиряков где угодно, но только за пределами самой этой жизни. Особенно умиляет обращение в первую очередь к «западному цивилизованному миру». Ну как же, без него мы сами и пол выскоблить не догадаемся!

Не менее сильное удивление вызывало у людей, впервые соприкасавшихся с сибиряками, состояние их нравственных отношений. Тот же В.И. Штейнгейль отмечал, что, «приглядываясь к семейным нравам, можно найти в домах зажиточных крестьян родственную любовь, согласие, повиновение родителям, уважение к старшим... Встречаются примеры благотворительности: призрение дальних родственников или чужих сирот. Вообще утешительно заметить, что здесь в крестьянских обществах очень мало совершенно нищих. Дряхлые отставные солдаты, вдовы, солдатки, солдатские женки с детьми, малолетние кантонисты, дочери солдатские сироты, все проживают у родных или у знакомых. Даже престарелые ссыльные находят подобный приют и призрение» (2).

Особое впечатление у людей, посещавших Сибирь, вызывало гостеприимство ее обитателей. Оно было, казалось, безграничным. Любой путешественник мог повторить вслед за А.П. Беляевым: «Хозяева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно нас приняли; ...опрятные хозяюшки накрыли тотчас стол и поставили кушанья. Каково же было наше удивление, когда этих кушаний — похлебок,

говядины, каши, жареной дичи, пирожных колечек с вареньем, – оказалось до шести блюд; превосходный пенистый квас нам подали в стеклянных зеленых кувшинах, а когда мы хотели заплатить за обед, то хозяин и хозяйка обиделись, сказав: «Что это вы, господа? У нас, слава Богу, есть чего подать» (1. С. 301).

Немало неожиданного открывается взгляду современного исследователя при обращении к истории образования сибиряков. Становление и развитие просвещения в Сибири в дооктябрьский период все еще остается одной из наименее изученных сфер духовной жизни России. В советские годы исследователями последовательно проводилась мысль о том, что «в результате антинародной политики царизма образование (в том числе и в Тобольской губернии – *Ю.Д.*) было поставлено неудовлетворительно». Подобные оценки, основанные на мотивах политически-конъюнктурного свойства, использовались как аргументы для более широкого вывода о невежестве и едва ли не поголовной безграмотности сибиряков. Историк Г.П. Шатрова, например, без каких-либо оговорок констатировала «низкий уровень просвещенности и образованности в Сибири» (5. С. 110) в первой половине XIX в. В качестве подтверждения столь категоричного вывода использовалась ссылка на свидетельства политических ссыльных, в особенности, декабристов, которые, якобы, «знакомясь с Сибирью, отмечали почти полное отсутствие в ней людей грамотных и образованных». Вряд ли можно ставить под сомнение то, что в мемуарных записках, письмах и других

материалах «сынов 25 декабря» и иных революционеров имеются и скептические суждения по поводу цивилизованности сибирского населения. Люди в своем большинстве хорошо образованные, в расцвете сил, на долгие годы вырванные из круга столичной интеллигенции, вероятно, и не могли не отметить, хотя бы эмоционально, громадную разницу в уровне просвещенности своей новой среды обитания.

Кроме того, критическое восприятие действительности для многих из них по-прежнему определяло подоплеку их общественных устремлений. Сосредоточенные на выявлении негативного в социальных отношениях, многие из революционно настроенных ссыльнопоселенцев в Сибири склонны были преувеличивать неразвитость местных жителей. Так, например, революционер-народник С.П. Швецов, сосланный в 1880-е годы в Сургут, утверждал, что «не наблюдалось у жителей (Сургутского края. — *Ю.Д.*) стремления к систематическому школьному образованию своих детей. Они не видели практической пользы от обучения грамоте, тем более, если оно связано с отрывом детей от участия в хозяйственных работах семьи» (6).

Показательно, что эти слова были написаны в те годы, когда в Сургуте, в этом, на взгляд постороннего, забытом Богом городишке, стала действовать первая церковно-приходская школа для девушек (1886), а еще несколько ранее — в 1877 г., — на базе существовавшей здесь казачьей школы открылось первое мужское училище. С годами авторитет этих учебных заведений у местных жи-

телей, безусловно, укреплялся. По сведениям, приведенным в современном издании, количество учащихся в этих школах «росло – пусть медленно, зато неуклонно... К примеру, в 1910 г. число юных сургутян, постигавших премудрости учения, увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 10% с лишним – не случайно! Ведь тогда же количество учебных заведений в Тобольской губернии выросло на 73 и составило внушительную цифру – 1246, а контингент учащихся этих заведений с приходом 5280 новичков достиг 56 486 (кстати, пятую часть от этого числа – 11 718 – «застолбили» за собой девушки)» (7. С. 272).

Более того, если бы г. Швецов удосужился углубиться в историю, то, вероятно, с удивлением обнаружил бы, что в этой сургутской (для него) тьмутаракани еще за полтора столетия до этого, в первой трети XVIII в., существовала солдатская школа для образования писарей. Возобновила она свою работу как школа казачьих детей – после некоторого перерыва – в 1835 г. старанием священника Андрея Яковлевича Кайдалова. По изустному преданию обучали детей казачьи писари и духовные лица. Грамотные родители учили детей сами, а потом уже отправляли их в Тобольск или Березов.

Справедливости ради нельзя не заметить, что те из политических заключенных и ссыльнопоселенцев, кто стремился более внимательно присмотреться к обитателям мест своего пребывания, обнаруживали приметы гораздо более высокого уровня образованности сибиряков.

Так, декабрист В.И. Штейнгейль, находившийся на поселении в разных местах Сибири – от Иркутска до Тобольска, в своем блестящем очерке «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии», созданном в 1843 г., с удовлетворением отмечал у ишимцев «желание учиться грамоте почти всеобщее. Все постигают в том надобность... Разъезжающие торгаши, известные здесь под названием вязниковцев, подстрекают охоту к чтению разными книжицами в лицах, между прочим «Брюсовым календарем», «Астрономическим телескопом» и некоторыми повестями. Всякий семьянин охотно пользуется первым случаем научить сына грамоте... Бессрочноотпускные и отставные солдаты, а также поселенцы много содействуют в этом успеху. В массе крестьян молодых теперь едва ли не более половины грамотных» (2).

По характеристике декабриста, сибиряки первой трети XIX в. вовсе не выглядят жертвами беспросветной тьмы и невежества. Из поля зрения очеркиста не выпадают приметы здорового образа жизни, свидетельства многочисленных достоинств местных жителей. С удовлетворением отмечает он, например, трудолюбие, «промышленную изворотливость» ишимцев.

Такого рода характеристики общей образованности населения Сибири вовсе не исключение. Имеются сведения об аналогичных явлениях и в других регионах, в том числе, и в северной части Тобольской губернии. Так, историк Н.А. Миненко отмечает: «Развитию в Северо-Западной Сибири традиций первых летописцев Сибири способ-

ствовал относительно высокий уровень грамотности русского населения. Среди березовской и сургутской казачьей старшины 1763 г.: атаманов, сотников, пятидесятников, капралов — не было ни одного человека, не умевшего писать и читать. Многочисленные «рукоположья» рядовых служилых свидетельствуют о широком распространении элементарной грамотности в их среде... Умели писать... почти все купцы и значительная часть березовских и сургутских мещан» (8. С. 121).

В приведенных свидетельствах чрезвычайно важным является указание на то, что дело духовного развития и образования было внутренней потребностью самих сибиряков, стремившихся использовать разнообразные возможности для просвещения своих детей. Это обстоятельство вынуждает скорректировать бытующее представление о том, что процесс возникновения образовательной системы в Сибири имел сугубо миссионерский характер. Прибывали, мол, сюда из Европы просвещенные люди, главным образом, политические заключенные, и едва ли не вопреки желаниям аборигенов внедряли в их сознание идеи современной цивилизации.

В действительности все было значительно сложнее. Знания и опыт, принесенные в сибирские края, не только с благодарностью принимались коренными жителями. Они, можно сказать, ложились на подготовленную и плодотворную почву. Более того, этот процесс зачастую инициировался самими сибиряками. Нет сомнения в том, что без поддержки местного населения никакие, даже самые

перспективные начинания в сфере образования не получили бы развития.

Потребность населения Сибири в приобщении к основам современной культуры едва ли не наиболее ярко проявилась в широком его участии в формировании образовательных структур, в постоянной заботе о материальных условиях для создания и развития различных учебных заведений. Характерна в этом смысле история возникновения и развития сети образовательных учреждений в одном из захолустных уголков на юге Тобольской губернии – в городе Ишиме.

Первое учебное заведение в Ишиме – уездное училище – было открыто в октябре 1817 г. По свидетельству современника, его существование в значительной мере поддерживалось пожертвованиями разных сословий ишимского общества, «движимого любовью к истинному просвещению». В пользу училища к моменту его открытия гражданами города было собрано деньгами 610 рублей 85 копеек. Кроме того, на 156 рублей – книг и вещей, необходимых для обучения. Учеников поступило в училище 36 человек. Поскольку собственного помещения у училища не было, ишимский купец 2-й гильдии Еманаков пожертвовал для него свой дом.

Сама церемония открытия училища стала для жителей города и уезда выдающимся событием. Так что его свидетель имел основания сказать, что «1-е число октября текущего 1817 г. навсегда пребудет незабвенным днем для г. Ишима по бывшему в оном открытию уездного училища» (9).

Как в дни наиболее знаменательных торжеств, в Богоявленском соборе была совершена литургия, по окончании которой «несены были из церкви при звоне колоколов святые образа в училище, где совершаемо было молебствие с водоосвящением о ниспослании свыше благодати на сие учебное заведение... Потом святые образа при колокольном звоне обратно сопровождены были в церковь духовенством, гражданами и внутреннею стражею, которая во время открытия стояла у училищного дома в параде». Завершилось празднество торжественным завтраком, которым угощал почетных граждан города все тот же Еманаков.

Следует заметить, что особую роль в создании в городе учебных заведений играло ишимское купечество. В 1838 г. было открыто второе училище – приходское, благотворителем которого стал купец 2-й гильдии Николай Черняковский, который на собственные средства приобрел дом и пожертвовал его училищу. Кроме того, он давал ежегодно на его содержание 400 рублей, городская же казна добавляла к этой сумме лишь 200 рублей.

В конце 1850-х годов в Тобольской губернии все более насущной становилась потребность в развитии женского образования. Активное участие в решении этой задачи принял тогдашний директор училищ губернии, замечательный поэт-сказочник П.П.Ершов. По его инициативе были созданы женские учебные заведения в Тюмени, Кургане. В 1859 г. Ершов сообщал в одном из писем о том, что Тюменскую женскую школу «положено открыть 22 ию-

ля, в день тезоименитства Государыни. К этому же дню постараюсь открыть женскую школу в Ишиме» (11).

Предметом особого внимания общественности Ишима был вопрос о помещении для школы. Первоначально она располагалась в частном доме, размеры которого явно не соответствовали нуждам учебного заведения. Его попечительный совет принял решение о строительстве нового дома, специально предназначенного для женского училища. Это решение было поддержано тобольским гражданским губернатором А.П. Деспот-Зеновичем. В результате, как сообщает местный краевед, «училищу было отдано место в центре города, хозяйственное управление дало взаймы на 5 лет тысячу рублей, а с купцов стали производить ежегодный сбор денег: с купцов первой гильдии – по 10 рублей, второй гильдии – по 5 рублей».

Закладка дома была произведена 25 мая 1863 г. Строительство шло стремительно – к 1 июля были возведены стены, а в декабре здание в главных своих частях было закончено, и учащиеся, учителя с радостью в него перешли. Современник отмечал, что «дом этот, по отзыву многих посещавших его значительных лиц, вполне соответствует назначению» (12).

1871 год знаменателен для образовательной системы Ишима еще и тем, что именно в этом году в городе появилось еще одно учебное заведение. Им стало переведенное из Омска духовное училище. Почти сразу же после начала деятельности духовного училища в Ишиме был поставлен вопрос о сооружении для него специ-

ального здания, однако из-за отсутствия в провинциальном городе необходимых условий дело затянулось. И вот, наконец, все необходимое — план, смета, строительные материалы — было подготовлено, мастера-строители подобраны, и 10 мая 1884 г. была совершена закладка фундамента каменного корпуса училища. Это событие горожане воспринимали как выходящее из ряда обыкновенных. Один из его участников рассказывал: «Колокольный звон при выносе из храма на место постройки святых икон и хоругвей привлек, несмотря на послеобеденную пору, достаточное число граждан города Ишима. Молебствие совершено было протоиереем Алексеем Федюшиным, в сослужении всего городского духовенства и членов строительного комитета. При закладке угла председателем комитета на память потомству вложен был прочно укупоренный лист с обозначением, в каком году, в царствие какого государя, при каком местном Архипастыре, какими строителями заложено здание. При заложении угла священник Троицкой ишимской церкви Иоанн Вишневский заявил председателю комитета о своем желании пожертвовать в пользу училища 100 рублей, каковое заявление принято с благодарностью...» (13).

Работа на строительстве буквально закипела. Время, упущенное на его подготовку, теперь словно бы компенсировалось. Можно сказать, что ишимцы сооружали здание духовного училища с любовью. Очевидец сообщал, что ежедневно на стройке работал «41 человек каменщи-

ков, из них 29 человек иногородние, остальные местные, но все российские. Для фундамента песок употребляется лучший, а известь исключительно екатеринбургская: того и другой идет половина на половину».

Очевидно, ишимцев при возведении духовного училища беспокоил не только практический результат, но и его нравственная подоплека — чувство национального достоинства и желание своими собственными руками строить то, что имело отношение к душе и вере.

Строительство продолжалось всего лишь два с половиной года, и уже 21 ноября 1886 г. в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы было совершено освящение нового училищного здания. Участник этого события рассказал о нем на страницах губернской газеты: «По окончании литургии в соборном храме отцы депутаты училищного съезда во главе с председателем оного и местным духовенством в полном облачении вышли из храма и направились в новое училищное здание... Процессия была сопровождаема массою народа...»

Таким образом, за полстолетия — с 1817 по 1871 г. — в городе в результате создания четырех учебных заведений — уездного училища, приходской школы, женской прогимназии, духовного училища — сложилась достаточно гибкая и объемная образовательная система, позволявшая в значительной мере удовлетворять учебно-воспитательные и культурные потребности населения. Различные по профилю, обладающие специфическими свойствами, школы и училища были сориентированы на научные, ми-

ровоззренческие, нравственные запросы и интересы представителей самых разных групп и слоев ишимцев.

Примеры такого рода общественной заботы о развитии просвещения как основы народной культуры можно обнаружить в Сибири, особенно в XIX в., повсеместно. Разумеется, не всегда это дело осуществлялось абсолютно гладко и бесконфликтно – жизнь здесь людей не баловала, нередко не давая им возможности для выбора. Но то, что формирование пространства культуры было для сибиряков задачей приоритетной, не вызывает сомнения.

Примечания

1. Цит. по: *Одоевский А.И.* Стихотворения. Письма. Воспоминания об А.И. Одоевском. – М.: Новый ключ, 2003.
2. *[Штейнгейль В.И.]* Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал министерства внутренних дел. – 1843. –Ч. 2.
3. *Чехов А.П.* Из Сибири // Чехов А.П. Полн. собр. соч. – М.: Наука, 1978. – Т. 14–15.
4. *Михайлова Т.П.* Школа Тобольской губернии накануне Октября // Школа Тюменской области. – Тюмень, 1968. – Вып. 8.
5. *Шатрова Г.П.* Декабристы и Сибирь. – Томск, 1962.
6. *Швецов С.П.* Очерк Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. – Омск, 1889. – Кн. 10–11.
7. Древний город на Оби: история Сургута. – Екатеринбург, 1994.
8. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибири в XVIII – первой четверти XIX в.: Историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1975.
9. Описание открытия уездного училища в городе Ишиме // Казанские известия. – 1817. – № 103.

10. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок»: Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. – СПб., 1872.

11. *Проскурякова Н.* Женское училище // Ишимская правда. – 1991. – 29 июня.

12. Отчет о состоянии Курганской и Ишимской женских школ за 1863–1864 годы // Тобольские губернские ведомости. – 1864. – № 33.

13. Торжество Ишимского духовного училища // Тобольские епархиальные ведомости. – 1886. – № 24.

А.С. Пушкин
Художник П.Ф. Соколов. 1836

Сибирь в представлениях и творческих замыслах А.С. Пушкина

В имени А.С. Пушкина для каждого истинного россиянина есть некое волшебное качество, вынуждающее относиться к нему как к явлению духовно совершенному, требующему высшего почитания. Когда-то Иван Бунин, подивившись вопросу очередной анкеты «Каково ваше отношение к Пушкину?», робко ответил: «Никак я не смею относиться к нему...» Пушкин – слово, которое давно уже перестало быть для нас только фамилией писателя, пусть великого, а стало обозначением чего-то такого, без чего самую жизнь нашу помыслить нельзя. Тот же Иван Бунин спрашивал себя: «Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких?»

Пушкин, действительно, словно бы растворился в окружающем нас мире, наполнив все сущее особенным, до боли сердечной близким содержанием. Эту удивительную способность пушкинской музы преобразовывать мир по законам красоты, может быть, в первую очередь отмети-

ли те, кого аристократы, как правило, называют простонародьем, я же от себя скажу — народ. Есть любопытное тому свидетельство. В книге Б. Мейлаха «Талисман» собраны письма крестьян о Пушкине, написанные еще в прошлом веке, к 100-летию со дня рождения поэта. В них немало легенд и преданий, но поразительно, как широко известен, как близок, как дорог был Пушкин уже тогда крестьянской России. Вот, например, как рассказывает о Пушкине наш земляк, крестьянин из Тобольской губернии: «О чем бы Пушкин ни писал, все у него пело и торжествовало, пел у него простой русский деревенский плетень... Он зиму суровую претворил в красавицу лучше лета, да и что было бы русскому без родной зимы, подумайте, и кто бы это мог сделать, кроме Пушкина, припомните, что и простые русские дровни у него поют... Из простой деревенской крепостной... старухи что Пушкин сотворил? красоту, голубушку... претворил в прелесть, и эту самую простую деревенскую..., неграмотную Пушкин сумел поставить в зависть всем народам, сделал из нее умную, добросердечную красавицу!»

Давно уже замечено, что Пушкин «высказался на все случаи жизни» (П.В. Палиевский). Пушкинские творения, действительно, обладают качеством универсальности. При всей своей лаконичности, чрезвычайной сжатости даже отдельная его фраза позволяет судить, как далеко он смотрел. Это не значит, разумеется, что все из мира действительного запечатлелось в художественном мире Пушкина. Но Вселенная поэта устроена так, что всему сущему в ней

отведено законное место, сколь бы удаленной от внимания поэта ни казалась та или иная область бытия.

Вот, например, многим думалось, что за пределами сознания Пушкина оказался целый пласт или, если угодно, целый материк жизни России, который может быть обозначен одним словом: Сибирь. Нет, конечно, все помнят «Во глубине сибирских руд...», но всем же и ясно, что это не подлинная, не живая Сибирь, во всем могучем развороте ее самобытных сил и возможностей, а, скорее, сильно заужающий ее стереотип.

Сегодня мы можем констатировать, что Пушкин знал и иную Сибирь, а не только «страну ссылки и каторги», в чем вольно и невольно убеждали его ссыльные друзья — декабристы.

Широко распространено мнение, согласно которому проблема «Пушкин и Сибирь» в полной мере исчерпана в своем потенциале для исследователя, поскольку ее изучению посвящен ряд специальных работ преимущественно литературно-краеведческого толка.

Здесь следует отметить, что целенаправленный интерес к теме проявился лишь в советские годы. Далее мы увидим, что для этого были причины, в том числе идеологического свойства, хотя, надо признать, дававшие о себе знать далеко не всегда прямолинейно.

Впервые связи Пушкина со страной, раскинувшейся за Уралом, были рассмотрены в виде объемной и содержательной проблемы в сборнике «А.С. Пушкин и Сибирь», вышедшем в Иркутске в 1937 г., к столетию со

дня гибели поэта. Основанные, главным образом, на мотивах краеведческого свойства, статьи, вошедшие в сборник, явились не только сводом фактов историко-литературных и биографических, но и попыткой их обобщения и анализа.

Через десятилетие, уже после войны, в связи с празднованием 150-летнего юбилея поэта вновь активизировалось внимание к теме, результатом чего стала книга литературно-краеведческих очерков А. Гуревича «Пушкин и Сибирь» (Красноярск, 1952), которой предшествовали одноименная статья преподавателя Новосибирского пединститута Богдановой (1948) и брошюра известного сибирского писателя и краеведа Георгия Кунгурова «Пушкин и старая Сибирь» (Красноярск, 1952).

В собственно литературоведческих исследованиях этот вопрос затрагивался неоднократно, но чаще всего попутно и, что еще более важно отметить, главным образом, в двух аспектах, обладающих биографической подоплекой. Прежде всего здесь имеется в виду известная сибирская история с прадедом поэта Абрамом Ганнибалом, который «по милости» Александра Меншикова был направлен сначала в Тобольск (8 мая 1727 г.), а затем еще далее — через всю Сибирь на китайскую границу (30 июня 1727 г.). В беллетристических сочинениях этот сюжет, сам по себе весьма причудливый, приобрел дополнительные оттенки, окрасившись в тона легенды. Как утверждал в одной из своих книг Иван Новиков, «далекая Сибирь, страна ссылки и каторги, вошла в сознание Пушкина, конечно, еще в

раннем детстве. Бабушка его, Мария Алексеевна Пушкина, была преисполнена семейных преданий, и если она рассказывала маленькому Саше о столь далеких его предках, как Пушкины при Борисе Годунове, то разве могла она умолчать о более поздних, а ведь в сибирской ссылке побывал и ...знаменитый Арап Петра Великого» (1. С. 267).

Впрочем, вряд ли есть основания для преувеличения легендарности этих сведений. Ведь Пушкина и в самом деле чрезвычайно интересовала история его предков, судьбы которых оказались связанными с Сибирью. По его собственному признанию, поэт с особенным вниманием вчитывался в строки знаменитого труда Н.М. Карамзина «История государства Российского», в которых встречались имена его далеких родственников. Многим из них довелось не по своей воле побывать в суровом сибирском крае. Не случайно в трагедии «Борис Годунов» именно устами одного из своих предков поэт упоминает о месте грозящей им ссылки:

«Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы».

Кстати, именно в связи с этой темой современными историками высказывается суждение, требующее, на наш взгляд, уточнения. Речь идет о том, что Пушкин якобы считал своих предков людьми, склонными к заговорам против властей предержащих, бунтовщиками. В качестве аргумента используется ссылка на слова из трагедии «Борис

Годунов»: «род Пушкиных мятежный». Один из авторов трактует это высказывание персонажа как «приговор своим предкам», который вложил в уста Бориса Годунова великий поэт (2. С. 26).

Приняв процитированные слова из трагедии за безусловно пушкинский тезис, т.е. прямое выражение авторской оценки, историк далее без особых затруднений его опровергает, заявляя, что «изображение их (Пушкиных – Ю.Д.) бунтарями... страдает явным преувеличением» (2. С. 27).

Между тем, такое толкование мнения поэта о роли Пушкиных в российской истории является явно упрощенным. Не следует забывать о том, что фраза «Противен мне род Пушкиных мятежный» произнесена одним из героев трагедии Борисом Годуновым в особой, психологически напряженной ситуации. Царь только что узнал о возможном заговоре против него, в котором, вероятно, участвуют и Пушкины. Подозрения, переполняющие Бориса, под влиянием услышанного выстраиваются в почти безусловное убеждение, которое выражено чеканной фразой. Но слово «почти» здесь абсолютно уместно, ибо все же это не логически выверенное умозаключение, а субъективное суждение живого человека в реальной житейской обстановке.

Далее. Вряд ли кто-либо возьмется утверждать, что предки Пушкина всегда были смиренными перед лицом власти. Среди них было немало людей отнюдь не законопослушных. Тот же Я. Солодкин признает, что «гений русской поэзии не без оснований писал о «мятежности» своих предков в канун Смуты» (2. С. 27).

Но самое главное, что отмечал Пушкин в своих предках, не сводится к ответу на вопрос, кем они были: бунтарями либо смиренниками. Поэт чрезвычайно дорожил тем, что в судьбах его родственников запечатлелась неизбывная тяга к постижению духа русского народа. С предельной обнаженностью эта мысль выражена в трагедии «Борис Годунов» словами персонажа по имени «Пушкин»:

«Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помогой,
А мнением; да! мнением народным».

Вообще говоря, сибирская история знает громадное количество самых причудливых пересечений с Пушкиным. Разве могут, например, сургутяне не вспоминать сегодня, что один из далеких предков Александра Сергеевича – Никита Евстафьевич Пушкин – в 1625–1627 гг. был в Сургуте воеводою?

Второй аспект сибирской темы в судьбе Пушкина связан с действительно широкой, содержательной и весьма сложной историей взаимоотношений поэта с декабристами. Поскольку события 25 декабря 1825 г. в советское время оценивались исключительно как «лучезарная точка в русской истории», то и внимание к этой проблеме в пушкиноведении приобрело, на наш взгляд, гипертрофированные формы. По отношению же к теме «Пушкин и Сибирь» декабристская проблематика стала явно доминирующей, а в отдельных аспектах

и поглощающей всю тему. Так, например, создавалось впечатление, что представления Пушкина о Сибири в ее реальном – бытовом, человеческом и даже природном – содержании формировались если не исключительно, то главным образом под влиянием декабристов. Прав был И. Новиков, заметивший, что А. Гуревич в упоминавшейся книге «Пушкин и Сибирь» отправным пунктом «берет взаимоотношения между поэтом и декабристами» (1. С. 267).

Считается, что для декабристов Сибирь была якобы местом лишь «каторги и ссылки, далеким от российской столицы и мрачным краем». В «Очерках русской литературы Сибири» утверждается без оговорок, что, к примеру, В. Кюхельбекер был убежден, что «люди, которыми он окружен в Сибири, не понимают его и рано или поздно погубят» (3. С. 227). Считается, что А. Одоевский якобы «воспринимал Сибирь глазами узника» и поэтому, мол, строка его стихотворения «Был край, слезам и скорби посвященный...» может служить эпиграфом ко всей поэзии декабристской ссылки» (3. С. 225). На самом деле, отношение «дворянских революционеров» к стране, ставшей на долгие годы их новой средой обитания, вопреки устоявшемуся мнению, было отнюдь не однозначным и далеко не всегда безнадежно отрицательным.

Нет сомнения в том, что сибирская тема всерьез входит в круг размышлений Пушкина-художника, обретает в его сознании свою целостность и глубину лишь к середине 20-х – в 30-е гг. Этому, безусловно, способствовали пере-

живания и напряженные раздумья в связи с событиями декабря 1825 г. Однако считать, что смысл изменений в «сибирских» воззрениях Пушкина предопределялся непосредственным влиянием декабристов, более того, корректировался их мировоззренческими установками, на наш взгляд, было бы ошибочным.

В этом смысле, думается, пришла пора уточнить, а то и пересмотреть оценки некоторых эпизодов пушкинского отношения к Сибири, ставшие безусловными.

Общеизвестен чрезвычайно лестный в устах Пушкина отзыв о сибиряках, который сохранил в своей памяти П.П. Ершов. Этот отзыв широкая читательская аудитория узнала в 1872 г., через три года после смерти автора «Конька-Горбунка», из опубликованных тогда дневниковых записей дружившего с Ершовым Михаила Степановича Знаменского. Со слов поэта Знаменский записал: «Я бывал у него (у Пушкина), если вытащат к нему. Я был страшно обидчив. Мне все казалось, что надо мной он смеется, например: раз я сказал, что предпочитаю свою родину (для жительства). Он и говорит: «Да вам нельзя не любить Сибири — во-первых, это ваша родина, во-вторых — это страна умных людей». Мне показалось, что он смеется» (4. С. 239).

Застенчивого Ершова смутила пушкинская оценка его родной Сибири как «страны умных людей». В поисках мотивов, объясняющих не иронический, а вполне серьезный смысл великолепного суждения Пушкина автор «Конька-Горбунка» по прошествии многих лет высказал предположение: «Потом уже я понял, что он о декабристах напо-

минает». Эта версия, подтвержденная авторитетом человека, слышавшего Пушкина, стала общепринятой.

Между тем, у Пушкина были и иные основания для такого суждения. Так, поэту было известно о существовании в Сибири собственной, так сказать, местного происхождения, интеллигенции, имевшей свой самобытный взгляд на общероссийские исторические и духовные процессы, в том числе, и на явления литературы и искусства.

Показательна в этом смысле переписка Пушкина с Владимиром Дмитриевичем Соломирским, проживавшим некоторое время в столице тогдашней Сибири – городе Тобольске. К сожалению, у нас нет возможности говорить о содержании этой переписки во всей ее полноте, поскольку сегодня известно лишь одно письмо Соломирского к Пушкину. Однако письмо весьма содержательное. Из сведений, приведенных в нем, становится ясно, что Пушкин никак не мог обойти вниманием сообщение своего корреспондента о восприятии сибиряками его творчества. Соломирский по этому поводу писал: «На днях у меня (то есть в его тобольском доме. – *Ю.Д.*) обедало человек 5 моих приятелей: в числе гостей был Петр Андреевич Словцов, старец, знаменитый сын Сибири...

Словцов сказал, что сочинения Пушкина должно читать для роскоши ума, везде, где я встречаю произведения его пера, я их пробегаю с жадностью... Словцов согласился, что род твоих сочинений мог бы быть возвышеннее, но, говорил он, гении своевольны!»

В письме Соломирского очевидно стремление автора доказать, «что и в глубине России, на границах Европы с Азией, не токмо есть просвещение, но и того, что степень сего просвещения довольно значительна, чтобы люди могли и умели ценить таланты, должно быть для тебя и для всякого русского занимательно» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 16. Л.: Наука, 1938–1995. С. 40).

Хотя нам и неизвестно содержание предыдущих, утраченных ныне, писем Соломирского, но нет сомнения, что основная направленность его характеристики Сибири сохранялась и в них.

Это лишь один из источников, позволявший Пушкину формировать представление о самостоятельном духовном потенциале Сибири на основе сведений, полученных непосредственно от сибиряков, так сказать, из первых рук. Однако очевидно, что этот источник не был единственным. В контексте данного сообщения важно отметить и то, что письма Соломирского были получены Пушкиным, скорее всего, до указанной ранее беседы с Ершовым, что является подтверждением мысли об объемном смысле высказывания поэта о Сибири как «стране умных людей», содержание которого не исчерпывалось для Пушкина указанием на декабристов.

Пушкин не воспринимал Сибирь как некую искусственно созданную колонию либо резервацию, а ее обитателей, в том числе и коренных жителей, как туземцев, лишенных права и возможности на цивилизованность. В этом отношении его позиция выглядит более гуманной,

перспективной и даже во многом полемичной по сравнению с известными ему оценками аборигенов Сибири со стороны его друзей-декабристов.

В феврале 1836 г. из заснеженного Баргузина Пушкину было отправлено письмо, написанное его лицейским другом Вильгельмом Кюхельбекером. Сообщая об условиях своей жизни в Забайкалье, Кюхля сетовал: «На первый случай мало могу тебе сообщить удовлетворительного, а еще менее утешительного». Не радовали декабриста в том числе и местные жители, в частности, тунгусы (так в то время называли эвенков), о которых Кюхельбекер писал: «звериное начало в них сильно развито». В связи с этим замечанием ссыльного декабриста Ю. Тынянов высказал догадку: «Нет сомнения, что тунгусы заняли место в пушкинском «Памятнике»... именно на основании полученного письма от Кюхельбекера» (5. С. XXII). Критик при этом, конечно, имел в виду знаменитое упоминание о «тунгусе» в пушкинском стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»:

И назовет меня всяк сущий в ней язык
И гордый внук славян, и финн,
И ныне дикой тунгус,
И друг степей калмык.

Основания для догадки, разумеется, есть. Прежде всего, все совпадает по времени. Как известно, Пушкин написал «Памятник» 21 августа 1836 г. Цитированное же письмо

Кюхельбекера было написано значительно раньше и получено адресатом во всяком случае до августа этого же года. Так что не исключено, что упоминание Пушкиным тунгуса могло быть инициировано эпистолярными строчками его опального друга. Но лишь инициировано, поскольку характер отношения и оценки тунгусов в устах Пушкина принципиально отличаются от характеристики, данной Кюхельбекером. Если для декабриста тунгус — «человек-зверь», хотя и в определенном смысле, то у Пушкина он «ныне дикой». Даже поверхностного сопоставления этих определений достаточно для того, чтобы ощутить бóльшую сдержанность и деликатность Пушкина. Но дело не только, да и не столько в этом. Еще более существенно то, что если в слове «звериный» содержится указание на завершенность и статичность определенных свойств (см. у Даля: «зверский» — лютый, свирепый, жестокий), то слово «дикий» связано с указанием на временность состояния (см. у Даля: «дикий» — в природном виде состоящий, не обработанный, невозделанный).

Пушкин, употребляя слово «дикой», имеет в виду состояние, которое может быть осмыслено как преходящее, что еще определеннее подчеркивается сочетанием с наречием «ныне», то есть поэт, говоря о тунгусах «ныне дикой», выражает убеждение в духовной будущности этого народа. Тем самым, косвенно, выражается надежда и на будущность Сибири, родины тунгусов и одновременно (для Пушкина) органической части «Руси великой».

Любопытно, что словосочетание «ныне дикой тунгус» есть конечный результат творческих раздумий поэта, которые имели свою последовательность. Вначале в черновике у существительного вообще не было никакого определения, строка имела вид: «[Тунгуз] [Киргизец] и калмык»; затем поэт сосредоточивает внимание на тунгусе, называя его «жестокий» (то есть дает оценочную характеристику, почти идентичную кюхельбекеровской), но такая словесная формула, видимо, не устраивала его в чем-то принципиальном, он отказывается вообще от слова «тунгус» — вместо него появляется «черкес» со словами «ныне дикой», и только после этого появляется искомое: «ныне дикой тунгус».

О глубине и масштабности пушкинских представлений о Сибири с очевидностью свидетельствуют и его творческие замыслы. Среди них можно назвать уже начатую было статью о Камчатке, которая сулила развернуться в большую работу о прошлом Сибири, о русских землепроходцах. К этому труду Пушкин готовился особенно тщательно, в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с весьма любопытными его заметками при чтении историко-географического исследования С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

Как это ни покажется неожиданным, но именно Ермак относится к ряду тех великих имен, которые возбуждали, тревожили сознание Пушкина на протяжении едва ли не всего его творческого пути, но, к сожалению, так и не воплотились в могучий образ. Впервые имя покорителя Сибири Пушкин упоминает в одном из стихотворений еще лицейских лет. Это известное послание к дяде юного

поэта В.Л. Пушкину, в котором Ермаку посвящено лишь две строчки (но какие!):

Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света.

Без преувеличений можно сказать, что это двустишие во всем стихотворении — едва ли не самое поэтичное и по-пушкински многозначное:

Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света.

Здесь уже как бы готовится рождение образа.

Сибирь не была для поэта предметом мимолетных, случайных суждений или эмоций. Здесь для него сходились темы могучего содержания, требовавшие даже от Пушкина длительного и сосредоточенного размышления. С другой стороны, очевидно, что его не смущали трудности реализации столь масштабных замыслов. Напротив, они все чаще вызывали у Пушкина приливы вдохновения, что свидетельствовало о приближающемся мгновении художественного воплощения, которому, увы, не суждено было осуществиться.

Немногим менее двух столетий Россия стремится осмыслить, понять, постичь Пушкина. Не будем оболь-

щаться насчет весомости результатов этого процесса. Но среди них есть одна закономерность, которая очевидна для всех: наше отечественное сознание начинает особенно пристально всматриваться в Пушкина во дни национальных потрясений и катастроф. Можно сказать так: по каким-то совершенно загадочным велениям Пушкин приходит к нам как спасение.

Так было 100 лет назад, в 1899 г., незадолго до целой череды революций, так было в трагическом 1937 г., когда в стране широко отмечалось 100-летие со дня гибели поэта, так происходит и сегодня. Лучшие умы России всегда глубоко чувствовали и понимали эту спасительную миссию Пушкина.

В 1921 г. великий русский поэт А. Блок, за полгода до смерти, в стране, измордованной гражданской войной, написал последнее свое стихотворение «Пушкинскому Дому». Оно все — как мольба, обращенная к русскому гению:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

С какой мольбой мы можем обратиться к Пушкину сегодня? В чем найти утешение? На какие вопросы получить ответы? Они, эти ответы, у Пушкина, безусловно, есть. Нам только нужно набраться терпения, сосредоточенности и захотеть их услышать.

Примечания

1. *Новиков Иван.* Сибирь в жизни и творчестве Пушкина // Сибирские огни. – 1962. – № 5.
2. *Солодкин Я.* Род Пушкиных в Сибири при царе Борисе // Югра. – 1997. – № 9.
3. Очерки русской литературы Сибири. – Новосибирск, 1982. – Т. 1.
4. *Знаменский М.С.* Дневник // Сибирские огни. – 1940. – № 4–5.
5. *Тынянов Ю.Н.* Вступ. ст. к кн.: Кюхельбекер В.К. Соч.: В 2 т.– Л., 1939. – Т. 1.

П.П. Ершов
Литография А. Мюнстера. 1872

У истоков судьбы Петра Ершова

Какими бы увлекательными ни казались безусловно точные, скрупулезно выверенные факты прошедшей жизни, не они, думается, создают неповторимый колорит исторического процесса. Череда календарных чисел словно бы одухотворяется от соприкосновения с реальными человеческими судьбами, как бы подсвечиваясь их стремлениями и надеждами, свершениями и утратами. Среди людей прошлого, которых сибиряки по праву могут назвать своими земляками, конечно, выделяется своей масштабностью поэт-сказочник П.П. Ершов. В самом его появлении на свет в бескрайнем сибирском захолустье есть некая тайна, запечатлевшаяся не только в судьбе и творчестве «загадочного» Ершова (1. С. 15), но и в самой этой дивной и суровой земле.

Начальные страницы биографии П.П. Ершова столь лаконичны и разрозненны, что производят, на первый взгляд, впечатление лишь случайных и малозначительных эпизодов в жизни поэта-сказочника. Принято счи-

тать «главным городом» в судьбе Ершова, своеобразным центром его «малой родины» Тобольск. В сознание современных исследователей он прочно вошел как «гражданин Тобольска». И в этом, конечно же, нет преувеличения. Древняя столица Сибири, действительно, стала не только местом длительного проживания автора «Конька-Горбунка» в юношеские и зрелые годы, но и местом формирования его творческих принципов. Земля тобольская приняла в себя его прах.

Однако безусловное признание существенной роли и значения Тобольска в судьбе Ершова не дает основания для забвения о подлинном месте его рождения, тем более, что пристальное изучение жизненного пути поэта-сказочника позволяет убедиться в том, что для него самого этот вопрос имел отнюдь не формальное значение.

Будущий автор народной сказки родился 22 февраля (6 марта по старому стилю) 1815 г. в деревне Безруковой (Тобольской губернии), лежащей в 16 верстах от уездного центра, каким был город Ишим. Его отец, Павел Алексеевич Ершов, занимал в то время пост Черемшанского частного комиссара — низшую должность в тогдашней полицейской иерархии. На протяжении многих лет для специалистов оставалась загадкой продолжительность пребывания семьи Ершовых в Безруковой. Местные краеведы склонны были ее преувеличивать. Один из них, Н.И. Палопеженцев, например, еще в 1898 г. утверждал, что сам Ершов и его земляки-сверстники длительное время хранили воспоминания о совместных де-

ревенских играх и забавах детских лет. Между тем, один из исследователей творчества поэта, просматривая ежегодный справочник «Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи», установил, что глава семейства Ершовых был переведен в Петропавловск на должность частного комиссара в 1817 г. (2. С. 241–242). В то время будущему сказочнику не было и трех лет. Казалось бы, его участие в мальчишеских играх в Безруковой, а тем более воспоминания о них могут быть отнесены к разряду желанных выдумок земляков.

Однако сравнительно недавно пытливый краевед, учитель истории Владимир Николаевич Малышев разыскал в Государственном архиве Омской области замечательный документ, свидетельствующий о более глубоких и продолжительных связях семейства Ершовых с Безруковой. Речь идет о рапорте Ишимского исправника генерал-губернатору И.Б. Пестелю от 11 мая 1818 г., в котором сообщается следующее: «В полуночи в 5 часов майа 10 числа из калмык дворовый господина коллежского секретаря Павла Алексеевича Ершова человек Николай Самсонов поехал из дому господина своего в городе Ишиме на двух запряженных в телегу с насыпанным в оную ячменным хлебом лошадях в село Безруковское Ишимской округи, и при выезде из города... оные (лошади) побежали обратно к дому и смяли идущую дорогой... крестьянскую женку Ирину Колобову, которая тогда же и померла» (6. С. 50). Этот и некоторые другие документы, найденные В.Н. Малышевым, дают основания для заключения: уже

после перемещения П.А. Ершова в Петропавловск у него оставался в Безруковой дом с налаженным хозяйством, который, вполне возможно, посещался будущим поэтом-сказочником. Это тем более вероятно, что в одном из писем автор «Конька-Горбунка» упоминает «о старом скрипучем доме», в котором он родился.

После отъезда из Безруковой семье Ершовых довелось немало попутешествовать по городам и весям Сибири. За Петропавловском последовал Омск, затем Березов и только в 1824 г. девятилетний Петруша Ершов вместе со своим братом Николаем увидели белокаменные стены Тобольского кремля. В этой череде впечатлений, событий, обстоятельств, оказавших огромное влияние на духовный мир автора «Конька-Горбунка», казалось бы, утратила свое значение, отошла на второй план, затушевалась малая его родина — деревня Безрукова. Не сохранились какие-либо свидетельства о посещении Ершовым Ишима или Безруковой в юношеском возрасте. Более того, как утверждает университетский друг и первый биограф поэта А.К. Ярославцов, «о детстве Ершова нам мало известно: сам он не упоминал о нем в бытность свою в Петербурге» (1. С. 6).

Свидетельство, безусловно, весомое и все же, думается, оно не дает оснований, чтобы воспринимать и расценивать его однозначно как показатель равнодушия поэта к своей родине и к воспоминаниям о своем детстве. Скорее всего, здесь проявилась та исполненная благоговения сдержанность, на которую бывают способны глубокие, душевно тонкие натуры в отношении к сокровенным и наибо-

лее дорогим воспоминаниям. Немало тому подтверждений находим и в художественном творчестве Ершова, и в его эпистолярном наследии. В одном из писем 1844 г. поэт признался: «Как ни скучна моя родина, а я привязан к ней, как настоящий швейцарец. И то произведение для меня имеет двойной интерес, где выводится моя северная красавица на сцену...» (1. С. 107). Не случайно ведь тот же А.К. Ярославцов отмечал, что «любовь к отчизне, патриотическое чувство в Ершове равнялось с его религиозным благоговением» (1. С. 152).

Говоря о родине, Ершов, разумеется, имел в виду не только тот уголок земли, где он появился на свет. В этом понятии для него слились и представления о бескрайних просторах Сибири, и любезные сердцу очертания Тобольска. Но в свойственном поэту чувстве родного дома постоянно присутствовала глубокая, подчас неприметная для постороннего восприятия память о его «малой родине». В одном из наиболее известных стихотворений – «Послание другу», написанном в начале 1836 г., когда поэт прочно вошел уже в литературный мир российской столицы, он приоткрыл завесу над своими сокровенными, еще младенческими ощущениями, связанными с милой, но грустной родиной:

Рожденный в недрах непогоды,
В краю туманов и снегов,
Питомец северной природы
И горя тягостных оков, –
Я был приветствован метелью,

Я встречен дряхлою зимой,
И над младенческой постелью
Кружился вихорь снеговой.
Мой первый слух был — вой бурана.

Исследователи творчества Ершова отметили в его произведениях ряд частных мотивов, которые в той или иной степени могли быть связаны с «малой родиной» поэта. Так, высказывалось предположение, что в четверостишии из сказки «Конек-Горбунок»

Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села

могло отразиться соседство родной деревни поэта с Ишимом, славившимся своими Никольскими ярмарками. И.П. Лупанова обратила внимание на то, что один из главных рассказчиков в ершовских «Осенних вечерах» имеет фамилию Безруковский, которая, как считает исследователь, «обязана своим происхождением деревне Безруковой, месту рождения Ершова» (3. С. 46). Существенным представляется также свидетельство А.К. Ярославцова о том, что Ершов иногда в шутку называл себя Безруковским.

По всей вероятности, суровые обстоятельства жизни Ершова по возвращении из Петербурга в Тобольск не давали ему в течение длительного времени возможности

как-либо непосредственно и явно осуществить неизбывные мечты об участии в судьбе своего отчего края. Зато когда для этого возникли благоприятные условия, он стремился использовать их с максимальной отдачей.

В январе 1857 г. 42-летний инспектор гимназии, коллежский советник, всероссийски известный автор «Конька-Горбунка» П.П. Ершов был назначен директором училищ Тобольской губернии. Счастливое изменение служебной карьеры возбудило в поэте-сказочнике, начавшем было душевно опускаться, прилив новых сил, возродило его угасшую энергию. С какой юношеской страстью, с каким молодым энтузиазмом принялся он за новую деятельность, намереваясь исполнить давние свои мечтания!

А масштаб дела, за которое самоотверженно взялся Ершов, был поистине значительным. Не может не поразить размах самого пространства, на котором расположились 38 училищ, находившихся под его началом. Сам Ершов сообщал своему другу о том, что его «дирекция, нечего сказать, дистанция огромного размера, пять тысяч верст» (1. С. 159). Впрочем, как всякого истинного сибиряка, такие просторы отнюдь не смущали нового директора. К своим обязанностям он отнесся с искренней увлеченностью. «В буквальном смысле слова я завален работой», — сообщал Ершов Ярославцову в июне 1857 г. и добавлял: «По сибирским моим правилам я службу не считаю одним средством для жизни, а истинным ее элементом» (1. С. 157).

Предметом особых стараний нового директора училищ стала деятельность по созданию в губернии женских

школ. По его инициативе были открыты женские учебные заведения в Тюмени, Кургане. В 1859 г. Ершов сообщал в одном из писем о том, что Тюменскую женскую школу «положено открыть 22 июля, в день тезоименитства Государыни. К этому дню постараюсь открыть женскую школу в Ишиме» (1. С. 102).

Несмотря на значительные трудности, Ершову удалось осуществить задуманное. Летом 1859 г. было основано Ишимское женское уездное училище. Более трех лет оно помещалось в приспособленном для учебных целей деревянном двухэтажном доме. В декабре 1863 г. было закончено в главных своих частях специальное здание, в которое тогда же училище и переехало. Дом этот сохранился до сих пор. Правда, предполагать, что в нем бывал Ершов, нет оснований, поскольку в марте 1862 г. он ушел в отставку, и о том, посещал ли он Ишим в последние годы жизни, нет никаких сведений. Однако это ни в коей мере не может сказаться на чувствах ишимцев, которые имеют все основания гордиться тем, что в организации народного образования в городе принял активное участие П.П. Ершов.

За пять лет своей административно-педагогической деятельности на посту директора тобольских училищ Ершов, по крайней мере, четыре раза совершал длительные поездки по губернии для осмотра учебных заведений. При этом, кажется, не было случая, чтобы его путь не пролегал через родные места — деревню Безрукову и город Ишим.

В феврале 1858 г. тогдашний российский министр просвещения пригласил Ершова в Петербург. Прежде чем от-

правиться в столицу, тот должен был получить личные наставления и указания от генерал-губернатора Г.К. Гасфорта, резиденция которого к тому времени была перенесена в Омск. По пути в Омск Ершов заехал в Безрукову, о чем он с волнением сообщал в одном из писем: «Я остановился часа на два на своей родине, ходил смотреть место, где был комиссарский дом, в котором я родился. Смотритель (училищный), провожавший меня до Безруковой, хотел посадить около места дерево – на память, а во время приноса иконы Божией Матери в Безрукову – отслужить на месте дома молебен» (1. С. 164). Посещение родных мест возбудило в нем воспоминания о детстве и родителях. Не случайно в том же письме к жене он отметил, что ему довелось слышать «самые искренние похвалы... отцу. Его не иначе называют крестьяне, как «отец наш».

В ноябре того же года автор «Конька-Горбунка» вновь отправился в поездку по губернии. На сей раз он посетил Ишим, заехал в Безрукову, переночевал там. Узнав о его приезде, несколько местных крестьян по поручению сельского схода явились к нему с просьбой о содействии в строительстве в деревне церкви. Крестьяне пожелали, чтобы церковь была сооружена «во имя преподобного Петра», и на месте, где некогда стоял «комиссарьятский дом», то есть именно там, где родился Ершов. Решение земляков чрезвычайно взволновало поэта. В письме, написанном в эти дни, он признавался: «Я целую ночь не спал, раздумывая о том – неужели Господь будет так милостив, что исполнится давнишнее мое желание, освятится место моего рождения и

восхвалится имя моего Святого. И как приятно мне было слышать от старых крестьян нелицемерные похвалы моему отцу! Все это составило для меня 22 число одним из приятнейших дней моей жизни» (4. С. 408).

С этого дня вплоть до кончины заботы о строительстве церкви на месте родного дома стали для П.П. Ершова делом первостепенной важности. О непосредственных деяниях поэта в этом отношении нам было известно до недавнего времени, главным образом, из упоминавшейся публикации Н.И. Палопеженцева. Но в 2002 г. ишимским краеведом Т.П. Савченковой был обнаружен в Тобольском государственном архиве пакет документов о сооружении церкви, что позволяет дополнить и уточнить эту историю.

4 апреля 1859 г. П.П. Ершов обратился с прошением к его преосвященству Феогносту, епископу Тобольскому и Сибирскому, в котором сообщал:

«Государственные крестьяне Ишимского округа Черемшанской волости деревень Безруковой и Завьяловой уполномочили меня ходатойствовать у Вашего Преосвященства о дозволении построить им в деревне на каменном фундаменте церковь. Представляя при сем два подлинные приговора крестьян упомянутых деревень, я имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство о дозволении построить в деревне Безруковой церковь во имя преподобного отца Петра Столпника и исповедника, которого память церковь совершает 22-го февраля, а для пособия в построении церкви благоволить снаб-

дить крестьян деревень Безруковой и Завьяловой книгою для сбора приношений на все время до окончательного устройства и освящения церкви.

Статский Советник П. Ершов» (7, С. 195).

По свидетельству Н.И. Палопеженцева, почтенный старец-епископ не сразу благословил благие намерения Петра Павловича, поставляя на вид массу препятствий, и, между прочим, главное, что «ни один священник не согласится поехать в такой нищенский приход, как Безруковский» (5. С. 910). Наконец согласие Преосвященного было получено, с немалыми трудностями найден священник. Им согласился стать дьякон Градо Тобольской Кладбищенской церкви Николай Агафонов, который 15 января 1861 г. был рукоположен преосвященным Феогностом в священника Безруковского храма Святого Петра Столпника. Как сообщает Н.И. Палопеженцев, «выстроили дом для него в Безруковой и послали новую церковь строить. Строит батюшка, есть ему хочется, а доходов и на самое необходимое не хватает, но Петр Павлович его не забывает: то чаю-сахару пошлет, то гарусу на рясу, то сапоги, то башмаки матушке. Года два или больше уже строилась церковь, как стряслась новая беда: Петр Павлович получил отставку, и поневоле пришлось ему помощь свою на постройке сократить, как это ни тяжело ему было» (5. С. 916). Однако и в последние годы, по свидетельству А.К. Ярославцова, «всякое пожертвование, даже непосильное, в пользу церкви Ершов делал охотно и в возможной тайне». Так, для

покупки некоторых церковных потребностей «заложил он однажды золотую цепочку от часов своих, о чем сказал жене уже только в конце своей последней болезни» (1. С. 196).

Существует легенда о том, как «малая родина» послала умирающему поэту свой последний привет. Незадолго до его кончины пришли к нему крестьяне из Безруковой. Ершов уже сильно изнемогал. Он понял, что крестьянам нужна какая-нибудь помощь для строящейся церкви, а он ничем помочь не может. Прослезился Ершов, заплакали крестьяне, да так и расстались с ним навсегда.

После смерти своего земляка-покровителя крестьяне Безруковой достраивали церковь сами. Лишь через семь лет, в 1876 г., было завершено строительство каменного храма с одним престолом во имя преподобного Петра Столпника. Это был, по существу, первый и истинно народный памятник автору «Конька-Горбунка».

К сожалению, судьба этого памятника оказалась печальной. После Октябрьской революции в 1920-е годы представители уже иного поколения безруковцев распорядились церковью по-своему. Была разрушена колокольня, а саму церковь приспособили под зерновой склад. В таком изувеченном виде она просуществовала еще полстолетия. И уже совсем недавно, каких-нибудь 30 с небольшим лет назад, в 1969 г. Ершовская церковь была превращена в груду кирпичей.

Теперь трудно с абсолютной точностью указать то место. Ни особой выбоинки, ни камня, ни какой-либо па-

мятной вешки не осталось там, где когда-то в «комиссарьятском доме» родился знаменитый поэт. Все как-будто ушло в небытие. Но когда открываются страницы его великой книги, словно по волшебству, на просторы родной для Ершова сибирской земли снова и снова приходит сказка, и мчится над горами и лесами на Коньке-Горбунке его русский-прерусский Иван. И становится ясно, что не безызвестной, малозначительной точкой на географической карте была для П.П. Ершова деревня Безрукова. Этому слову всегда оставалось место в душе поэта-сказочника, в нем отзывались его сокровенные мечты, надежды, творческие порывы.

Примечания

1. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок»: Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. – СПб., 1872.
2. *Бухштаб Б.Я.* Разыскания по истории русской литературы XIX века // Труды Ленинградского библиотечного института им. Н.К. Крупской. – Л., 1956. – Т.1.
3. *Лупанова И.* П.П.Ершов // П.П. Ершов. Конек-Горбунок. Стихотворения. – Л., 1976.
4. *Ершов Петр.* Сузге. – Иркутск, 1984.
5. *Палопеженцев Н.И.* На родине автора «Конька-Горбунка» //Нива. – 1988. № 46.
6. *Малышев В.Н.* Ершовы в Приишимье // Коркина слобода: Краеведческий альманах. – Ишим, 1999. – Вып. 1.
7. Цит. по: *Савченкова Т.П.* Ишим и литература. Век XIX. – Ишим, 2004.

А.И. Одоевский
Акварель Н.А. Бестужева. 1833

Ишимское поселение А.И. Одоевского

Более 160 лет назад, в августе 1837 г., арестантская телега увозила из Ишима ссыльного «государственного преступника» А.И. Одоевского. Недолго он пробыл под этим небом, в окружении добросердечных и простых людей, среди которых появились у него искренние друзья. В августе предыдущего – 1836 г. по «высочайшей милости» государя в результате настойчивых просьб отца, князя И.С. Одоевского, после шести лет каторжных работ и трех лет поселения в глухой деревушке под Иркутском 34-летний участник восстания на Сенатской площади был переведен в захолустный город, приютившийся на берегу извилистого Ишима. И вот теперь – новая «милость»: царь «великодушно» разрешил бывшему князю, бывшему корнету конно-гвардейского полка служить рядовым на Кавказе.

Накануне отъезда А.И. Одоевский последний раз обошел понравившиеся ему места на высоком берегу Ишима. Отсюда хорошо был виден величественный Богоявленский

собор, отсюда устремлялся взор в таинственные манящие дали. Здесь открывались перед ним, полюбившим уединение, не только широкие степные просторы, но и дали памяти. Отчетливо и ярко высвечивались в воспоминаниях лица друзей и тот стремительный, как взлет, день 14 декабря 1825 г. ...

А.И. Одоевский принадлежал к одному из древних русских княжеских родов. Он получил блестящее домашнее образование и в 19-летнем возрасте поступил на военную службу. Через полтора года, 13 марта 1823 г., он был произведен в корнеты лейб-гвардии Конного полка. Несмотря на сугубо домашнее воспитание «вдали от всякого общения с внешним миром» (1. С. 13) военная служба оказалась для юного Одоевского вполне органичным делом. Здесь имел значение и пример отца, Ивана Сергеевича Одоевского, участвовавшего в походах 1812 г. в качестве шефа Московского ополчения и командира 2-го Казачьего полка; и благородный обычай, согласно которому дворянские дети почитали за честь службу Отечеству. Но еще сильнее влекла Александра к ратному подвигу его пылкая натура, природная отвага. В одном из своих показаний Одоевский свидетельствовал: «Я с природы не робок. Военного времени не было... Но мне и другим казалось, что я в душе солдат; был всегда отважным мальчиком: грудь, голова, ноги — все избито».

Нет сомнения, что соединение пылкости и восторженной настроенности с благоговением перед воинской доблестью стало одним из факторов, подвигших

А.И. Одоевского в ряды декабристов. Членом Северного общества он стал за полгода до восстания, сблизившись с К. Рылеевым, А. Бестужевым, В. Кюхельбекером. И сразу же, молодой и пылкий, занял позицию его радикального крыла. Он вполне разделял чувства собратьев, свято веривших в истинное предназначение своего союза, который, пусть и гибелью своей, должен обозначить на века высочайший пример любви к Отечеству и народу. А. Одоевский остался верен своим убеждениям и на Сенатской площади, где, как вспоминали очевидцы, разгоряченный, с пылающим взором, сжимая в руке пистолет, он возбужденно восклицал: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» После разгрома восстания царский суд определил его преступником четвертого разряда (из одиннадцати). Ему было определено: «По лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на 12 лет и потом на поселение» (2. С. 117).

Царские слуги были уверены, что каторга и ссылка сломят душевные силы бунтарей. Но для А.И. Одоевского годы, проведенные в Сибири, стали временем духовного подъема. Свидетельство тому – взлет его поэтического творчества. Юношеские стихи А.И. Одоевского дошли до нас в очень небольшом количестве, но после 1825 г. он создал произведения, которые сделали его самым популярным и самым крупным поэтом декабристской каторги. Он словно подхватил лиру, выпавшую из рук казненного К. Рылеева, проникновенно выразил чувства и думы своих «друзей-соузников». Недаром декабрист Н.В. Басаргин го-

ворил о том, что «звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашей любовью к Отечеству, нередко пелись хором» (3. С. 136).

Вершиной революционной лирики декабристов и жемчужиной в творчестве самого А. Одоевского стал знаменитый ответ на послание А.С. Пушкина «В Сибирь». Его чеканные строки звучат с потрясающей силой поэтического и гражданского завещания. Стихотворение это приобрело широчайшую известность, оно быстро распространилось в списках революционно настроенных слоев русского общества, свидетельствуя о том, что несмотря на поражение восстания, дух его участников оказался не сломленным:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя.
И просвещенный наш народ
Сбережется под святое знамя!

Сегодня нам дороги мельчайшие сведения, позволяющие более полно представить А. Одоевского не только как поэта, но и как человека. Каким он был? К сожалению, о внешности декабриста из воспоминаний современников мы узнаем немного. Разве что из его статейного списка, составленного в жандармском управлении, становится известно, что он был роста 2 аршина 9 вершков (около 180 см), имел «лицо белое, продолговатое, глаза темно-карие, нос острый, продолговатый, волосы на голове и в бровях

темно-русые, на левой брови небольшой шрам от конского ушиба» (4. С. 132). Представления о поэте расширяют несколько дошедших до нас живописных его изображений. Однако ярче портретов свидетельствуют о человеческом обаянии А.И. Одоевского восторженные отзывы соотечественников, знавших поэта. В мемуарных записках современников сохранились хотя и скупые, но яркие штрихи его облика. Так, родственница Александра Ивановича Е.В. Львова вспоминала, что был он «высокий, здорового сложения, красивый собою, с открытым живым взглядом, с каким-то сердечным сообщающимся смехом,... чрезвычайно симпатичен, умен, учился хорошо и в душе был поэт» (1. С. 18).

Достаточно сказать, что с детских лет А.И. Одоевский был дружен с А.С. Грибоедовым, который приходился ему родственником по матери. Будущий автор «Горя от ума», несмотря на разницу в возрасте, высоко ценил своего юного друга, называя его «кротким, умным, прекрасным Александром», более того, считал его своим «питомцем». Одоевский же отвечал ему искренней и преданной дружбой, готовый ради него на самопожертвование. В 1824 г., во время сильнейшего наводнения в Петербурге, Грибоедов едва не погиб. Своим спасением он был обязан Одоевскому.

Всего лишь через четыре с лишним года А.С. Грибоедова не стало. Он был растерзан толпой фанатиков в Тегеране, где находился в качестве посланника России в Персии. Одоевский узнал о трагедии в 1829 г., будучи на каторж-

ных работах в Чите. В элегии «На смерть А.С. Грибоедова» он писал:

Где он? Кого о нем спросить?
Где дух? Где прах?.. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потокам
Его могилу оросить,
Ее согреть моим дыханьем;
Я с ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его,
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму — как друга моего!
Как друга! Он смешался с нею,
И вся она родная мне.
Я там один с тоской моею,
В ненарушимой тишине,
Предался всей порывной силе
Моей любви, любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой.

Сподвижник А.И. Герцена Н.П. Огарев встретился с А. Одоевским на Кавказе почти сразу же по прибытии туда декабриста из Сибири. Встреча с ним потрясла Н.П. Огарева, который писал: «Одоевский был, без сомнения, самый замечательный из декабристов, бывших в то время на Кавказе... В его глазах выражалось спокойствие духа, скорбь не о сво-

их страданиях, а о страданиях человека, в них выражалось милосердие... Встреча с Одоевским и декабристами возбудила мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я – идущий по их дороге, я – обрекающий себя на ту же участь. Это чувство не покидало меня» (5. С. 290). Здесь же, на Кавказе, судьба свела А. Одоевского с М.Ю. Лермонтовым. Всего лишь несколько недель общения двух поэтов породили искреннюю и верную дружбу. Позднее, потрясенный неожиданной смертью А. Одоевского, М. Лермонтов написал проникновенное стихотворение, создав тем самым своему другу поэтический памятник.

Многие годы спустя А. Одоевский оставался необычайно привлекательной фигурой для исследователей и писателей, обращавшихся к героическому племени «богатырей, кованых из чистой стали с головы до ног» (А.И. Герцен). Известно, что Л.Н. Толстой в конце 50-х гг. XIX в. собирал материалы для романа о декабристах. Его особенно заинтересовал А. Одоевский, в записной книжке писателя появилась лаконичная, но в высшей степени характерная пометка: «Одоевский – прелесть».

Ишимский период ссылки А.И. Одоевского в специальных исследованиях освещается крайне скупо. Собранные по крупицам сведения дают возможность хотя бы в какой-то мере заполнить этот пробел в его биографии. Как известно, отец декабриста князь И.С. Одоевский неоднократно обращался к российским властям с просьбой о переводе сына из далекой Елани, что под Иркутском, на

юг Западной Сибири, в край с более мягким климатом. При этом в качестве возможных мест поселения назывались Курган, Тюмень, Ишим или Ялуторовск. Переписка по этому поводу велась почти два года. Препятствием для удовлетворения просьбы князя Одоевского служило то, что во всех этих населенных пунктах уже находились на поселении политические преступники. В Ишиме в это время проживало несколько участников известного мятежа в Царстве Польском. Указанное препятствие было преодолено лишь в результате активного вмешательства генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича, который был женат на двоюродной сестре А.И. Одоевского.

По свидетельству современного биографа поэта И.А. Кубасова, в Московском архиве революций хранится записка И.Ф. Паскевича, переданная государю: «Александр Одоевский, третий год поселен в Восточной Сибири, в деревне Елани. Нельзя ли переместить его в Западную Сибирь в город Ишим или Ялуторовск». Записка эта была подана Николаю I 23 мая 1936 г., а 27 мая статс-секретарь Н.С. Мордвинов сообщил И.Ф. Паскевичу: «По принятому Вашею Светлостью участию в просьбе родственников Одоевского о переводе его в Ишим, Государь Император высочайше повелеть соизволил поселенного Иркутской губернии в селении Еланском государственного преступника Одоевского перевести из Тобольской губернии в г. Ишим» (1. С. 68).

К этому времени А.И. Одоевский успел обзавестись в Елани весьма приличным хозяйством. Получив со-

общение о переводе на Кавказ, он решил оставить все свое имущество находившемуся здесь же на поселении декабристу В.И. Штейнгейлю. В Государственном архиве Российской Федерации сохранился официально зарегистрированный «Список разного рода имущества оставленному (так в тексте – *Ю.Д.*) во владение Государственным преступником Александром Одоевским таковому же Владимиру Штейнгелю учинен сентября 20 дня 1836-го года».

Список весьма интересен хотя бы потому, что дает представление о бытовых условиях пребываниях декабриста на поселении.

Наименование имущества	
Земли самим расчищенной	1 ½ десят.
Земли, нанятой у крестьян на разные сроки от 4-х до 20 лет	16 ½ десят.
Из них засеянных разным хлебом	13 десят.
Дом деревянный с пристроенною горницею отщекотуренную (sic!) внутри	1
При нем амбар	2
Скотников с поветами	2
Огород	1
В горнице благословения Божия образ святителя Иннокентия без оклада	1
Мемели: картина масляными красками писаная в золотых рамах	1
Другая гравированная в черных рамах с прозолотой по краям	1

Столярной работы из березового дерева	шкаф со стеклами	1
	книжных шкафов	2
	ширм	1
	диван	1
	кровать	1
ПРИ ДОМЕ		
Лошадей		4
Корова		1
Свиней – из коих две пропали и одну убили		4
Телег		3
Сани		1
Дровен		2
Дрогов		6
Сох		4
Борон железных		3
Борон деревянных		1
Хомутов наборных		1
Хомутов простых		6
Шлей		5
Узд		5
Дуг		2
Топоров узких		2
Топоров широких		1
Долот		2
Седелка железная		1
Серпов новых		6
Серпов старых		3
Кос новых		4
Кос старых		3

Сведений о том, было ли переправлено фортепьяно из Елани в Ишим, не имеется, как нет и какой-либо информации об отношениях между Одоевским и Штейнгейлем. Последний, как известно, через полгода после своего соузника тоже оказался в Ишиме.

По высочайшему разрешению в начале июля 1836 г. декабрист Одоевский был отправлен из Елани в сопровождении одного казака в Тобольскую губернию. 16 августа он прибыл в Тобольск, а 21 августа был доставлен в Ишим. По некоторым неподтвержденным данным, Александр Иванович поселился в доме, принадлежащем купцу Филиппу Евсеевичу Лузину, который стоял на Ярмарочной улице. Считается, что дом этот находился неподалеку от того места, где ныне на ул. Ленина расположена аптека.

Суровые условия жизни в сибирской глуши, казалось бы, должны были вызвать у декабристов чувство неприязни к этому краю. Однако в действительности было по-другому. Декабристы в ссылке оказались верными той высокой миссии борцов за народное счастье, во имя которого они вышли на Сенатскую площадь. Их вдохновляло чувство своей необходимости для сибиряков, особенно «в отношении нравственного образования» (Н.В. Басаргин). Одна из современниц декабристов свидетельствовала: «Декабристы в тех местностях Сибири, где они жили, приобретали необыкновенную любовь народа». Они имели громадное нравственное влияние на сибиряков: «их прямота, всегдашняя со всеми учтивость, простота в об-

ращении, вместе с тем возвышенность чувств ставили их выше всех, а вместе с тем они были равно доступными для каждого, обращающегося к ним за советом ли, с болезнью ли или со скорбью сердечной. Все находили в них живое участие, отклик сердечный к своим нуждам».

Действительно, в Ишиме А. Одоевский чувствовал себя достаточно благополучно и даже написал несколько замечательных стихотворений. Из них, кроме упомянутого, следует отметить «Как я давно поэзию оставил», «Как недвижимы волны гор», «Пусть нежной думой — жизни цветом...», «Ты знаешь их, кого я так любил...». Вполне вероятно, что таких произведений было создано гораздо больше, однако, к великому сожалению, Одоевский небрежно относился к их сохранению. Хорошо знавший поэта декабрист А.Е. Розен с горечью замечал: «А.И. Одоевский никогда ничего не печатал, даже редко сам писал свои стихи, но диктовал охотно их своим приятелям» (6. С. 210).

Такая особенность творческой деятельности Одоевского породила немало споров относительно авторства тех или иных стихотворений. Так, до сих пор не развеяны сомнения о принадлежности Одоевскому слов известной среди декабристов песенки:

Бывало в доме преобширном
В кругу друзей, среди родных
Живешь себе в веселье мирном
И спишь в постелях пуховых.
Теперь же в закоптелой хате

Между крестьян всегда живешь,
Забьешься, скорчась, на полати,
И на соломе там заснешь.
Бывало, предо мной поставят
Уху стерляжью, соус, крем,
Лимоном, бланманже приправят,
Сижу и ничего не ем.
Теперь похлебкою дурною
С мякиной хлеба очень сыт,
Дадут капусты мне с водою —
Ем, за ушами лишь пищит...

Конечно, трудно не заметить, что по характеру поэтического настроения, по стилевым особенностям это стихотворение резко выделяется среди других произведений Одоевского. Однако этот аргумент вряд ли может быть безусловным, если учесть, что многое из написанного поэтом погибло. К тому же нет оснований игнорировать свидетельства современников декабристов. Один из них, почтовый служащий в Ялуторовске, прямо утверждал в своих воспоминаниях: «Песенка, сочиненная, как говорили, декабристом, князем Одоевским и разосланная им другим декабристам, сделалась так популярна, что ее знали наизусть даже все школьники» (10. С. 90).

О принадлежности перу А. Одоевского слов этой песни говорил и М.С. Знаменский, бывавший в доме декабриста М.И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске и не раз слышав-

шего там «популярную в Сибири песню», написанную А. Одоеским (10. С. 91).

К признанию за Одоевским авторства стихотворения «Бывало в доме преобширном» склоняется и один из наиболее серьезных современных тюменских краеведов — Л.Г. Беспалова.

В то время в Ишиме отбывали ссылку за участие в восстании в Варшаве в 1830 г. поляки Ивашкевич, Зелинский, Кржижановский, Липский и другие. Отношения с польскими революционерами составили, пожалуй, наиболее яркую и интересную страницу ишимской ссылки А.Одоевского. Свободолюбивым шляхтичам были известны симпатии поэта к их борьбе за национальную независимость. В 1831 г. среди политических узников, томившихся в Сибири, стало распространяться его стихотворение «При известии о польской революции». В его романтически приподнятом звучании вновь ожил пафос знаменитого «Ответа на послание А.С. Пушкина «В Сибирь»»:

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков,
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в сознании слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

Не будет преувеличением сказать, что чувства А. Одоевского и его новых друзей были взаимными. Об этом свидетель-

ствуют те немногочисленные факты, которые дошли до нас через толщу десятилетий. Так, польский исследователь Л. Баумгартен в работе «Декабристы и Польша» приводит данные о том, что в доме А.Одоевского в Ишиме жил ссыльный поляк Иоахим Лешневич и что между ними были добрые, товарищеские отношения.

Чувства взаимной симпатии и уважения связывали Одоевского еще с одним поселенцем в Ишиме – поэтом Густавом Зелинским, автором ставшей позднее знаменитой поэмы «Киргиз», в которой запечатлелись наблюдения ссыльного поляка над жизнью кавказских племен в приишимских степях. В дневниках Г. Зелинского, бережно хранящихся в музее г. Плоцка, обнаружена запись от 27 августа 1837 года: «Odjazd Pana Odojewskiego na Kaukas» (Отъезд пана Одоевского на Кавказ). Эта чрезвычайно лаконичная заметка позволяет предположить, что отъезд Одоевского из Ишима был воспринят всей польской колонией в городе как значительное событие.

Широко известна история дружбы русского поэта-декабриста с польским поэтом и композитором Адольфом Янушкевичем. Без сомнения, А. Янушкевич был одним из наиболее замечательных поляков, с которыми судьба свела А. Одоевского. К приезду русского поэта А. Янушкевич был в Ишиме почти «старожилом». Ему разрешено было приехать сюда еще в 1835 г. В одном из сохранившихся писем А. Янушкевич не без юмора описывает купленное им в Ишиме жилище: «Клетушек много, будет тепло, когда подремонтируем, потому что, правду сказать

это просто развалина. Дом стоит как-то набекрень, словно шапка у улана, уличная стена выпятилась, как большой живот, окна смотрят хмуро» (8). В этом домике из присылаемых книг и журналов Янушкевич создал для ссыльных библиотеку, которой, возможно, пользовался и Одоевский.

Один из эпизодов общения А. Одоевского с А. Янушкевичем в воспоминаниях декабристов приобрел черты романтической легенды. Янушкевич, выросший в интеллигентной шляхетской семье, в юности немало путешествовал по Западной Европе. Однажды, будучи в Италии, он посетил знаменитый город Авиньон, где погребена возлюбленная Петрарки — Лаура. В память об этом посещении пылкий юноша сорвал ветку с кипариса, раскинувшегося над могилой Лауры. Он очень дорожил этой веткой и не расставался с ней, несмотря на все испытания, которые выпали на его долю. Встретившись в Ишиме с Одоевским, Янушкевич в знак душевной близости и рождающейся дружбы подарил декабристу часть кипарисовой ветки. Быть может, этот романтический рассказ так и остался бы легендой, если бы одно из стихотворений Одоевского не подтверждало его достоверность. Это стихотворение — «Я — у.., который подарил автору ветку кипарисовую с могилы Лауры». Под таким названием и за подписью «А. Од-й» оно было впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки» в 1844 г. Следует, однако, заметить, что обозначение автором фамилии адресата стихотворения только двумя буквами ввело исследова-

телей в заблуждение. Было высказано предположение, что Одоевский имел в виду декабриста И.Д. Якушкина, находившегося в 1837 г. на поселении недалеко от Ишима – в Ялуторовске (6). Только после публикации первого собрания сочинений А.И. Одоевского и появления в печати мемуаров декабристов загадка была разрешена. Бывший курганский ссыльный декабрист Н.И. Лорер писал: «А.И. Одоевский был поселен в Ишиме Тобольской губернии. Там он сошелся с одним поселенцем, поляком Янушкевичем, очень образованным человеком, много путешествовавшим, сдружился с ним, полюбил, и они были неразлучны» (10. С. 179).

В политическом отношении жизнь Одоевского в Ишиме скорее всего была нейтральной. Не случайно городские власти были удовлетворены образом жизни поселенца и аттестовали его поведение «хорошо». Сохранился документ, который удостоверяет, что 9 ноября 1836 г. по распоряжению Тобольской казенной палаты А.И. Одоевскому для ведения сельского хозяйства было отведено 15 десятин земли в окрестностях тогдашнего Ишима – в Жиляковской волости. Некоторые историки утверждают, что «воспользоваться этой землей поэт не сумел, да и не хотел» (11. С. 35). Думается, точнее было бы сказать – не успел. Ведь надежда на сближение со своими друзьями и единомышленниками не покидала поэта, и уже в мае 1837 г. он направил шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу прошение о ходатайстве перед государем «испросить ему место в рядах Кавказского

корпуса». 21 июня было получено распоряжение, удовлетворявшее просьбу опального поэта. Военный министр А.И. Чернышов сообщил о «всемилостивейшем повелении Николая I перевести некоторых декабристов, а среди них и Одоевского, рядовыми в отдельный кавказский корпус» (12. С. 154).

Подлинный смысл этой «милости» становится понятным при знакомстве с сопроводительной запиской канцелярии военного министерства, в которой, согласно царской воле, предписывалось назначить декабристов «в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений» (12. С. 155). Не зря, очевидно, свое новое место пребывания декабристы нарекли «теплой Сибирью».

После расставания с Ишимом жизненный путь Одоевского оказался недолгим. В августе 1839 г. внезапный приступ малярии оборвал его жизнь. На берегу Черного моря в поселке Лазаревское на его могиле установлен памятник. Берегут память об А.И. Одоевском и ишимцы. В 1989 г. в городе на одной из центральных улиц был установлен бронзовый бюст поэта-декабриста.

Примечания

1. *Одоевский А.И.* Стихотворения. Письма. Воспоминания об А.И. Одоевском. – М.: Новый ключ, 2003.
2. *Басков В.И.* Суд коронованного палача. – М., 1980.
3. *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск, 1988.
4. Декабристы: Биографический справочник. – М.: Наука, 1988.
5. Декабристы рассказывают... – М., 1975.
6. *Розен А.Е.* В ссылку (записки декабриста). – М., 1900.
7. *Постнов Ю.С.* Сибирь в поэзии декабристов. Новосибирск, 1976.
8. Жизнь Адольфа Янушкевича и его письма из киргизских степей. – Алма-Ата, 1966.
9. Гражданин. – 1873. – № 49.
10. Записки декабриста Н.И. Лорера. – М., 1931.
11. *Рощевский П.И.* Декабристы в Тобольском изгнании. – Свердловск, 1975.
12. *Стрельникова И.А.* Поэт-декабрист А.И. Одоевский (диссертация кандидата филологических наук). – Куйбышев, 1971.

В.И. Штейнгейль
Литография О.И. Эстеррайха. 1823

Декабрист В.И. Штейнгейль на земле Тобольской губернии

Барон Владимир Иванович Штейнгейль – один из наиболее активных участников декабристского движения. В юности он получил образование в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. Во время Отечественной войны 1812 г. храбро сражался в рядах ополченцев, участвовал в заграничных походах русской армии. Будучи адъютантом московского главнокомандующего, вел большую работу по составлению плана застройки столицы. Это по его инициативе в городе было сооружено, по проекту известного архитектора Бове, здание Манежа, заложен Александровский сад. Среди современников В.И. Штейнгейль считался одним из образованнейших «естественников». Ему, в частности, принадлежит первое в России исследование истории календаря. Соратники-декабристы не случайно отводили В.И. Штейнгейлю роль идеолога, теоретика будущего государственного устройства России. Он и в самом деле оказался одним из немногих авторов «Манифеста к русскому народу», с кото-

рым должны были обратиться декабристы в случае победы восстания.

После ареста и многомесячного заключения в финляндской крепости Свартгольм, осужденный по 3-му разряду к вечной каторжной работе (позднее срок каторги был сокращен до 19 лет), В.И. Штейнгейль в 1830 г. с партией декабристов прибыл в Петровский Завод. А в 1835 г. был обращен на поселение в селе Елань (в 36 верстах от Иркутска).

Декабрист тяжело переживал разлуку со своей многочисленной семьей. Его угнетало также отсутствие близких по убеждениям людей. Все чаще он обдумывал возможности изменить место поселения, перебраться поближе к Европе. 7 октября 1836 г., обращаясь к шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, В.И. Штейнгейль писал: «Умоляю Вас, сиятельнейший граф... исходатайствовать... да повелит государь перевесть меня в город Ишим или другой ближе к России: это, собственно, для возможного утешения моего невинного, но не менее страждущего семейства» (1. С. 239). Сравнительно быстро просьба Штейнгейля была рассмотрена государем, и уже 30 декабря 1836 г. граф Бенкендорф в секретном письме на имя генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б. Броневского сообщал: «Государь император... изъявил всемилостивейшее согласие на перевод Штейнгейля на поселение в г. Ишим, и при сем случае его величество соизволил отозваться, что давно уже простил в душе как Штейнгейля, так и прочих государственных преступников» (2. С. 334).

В соответствии с решением Николая I Штейнгейль 14 февраля 1837 г. был отправлен из Елани, а 11 марта прибыл в Ишим. В это время в городе уже более полугода проживал на поселении другой декабрист, поэт А.И. Одоевский. Между собратьями по судьбе установились тесные взаимоотношения. Правда, ни прямых, ни косвенных свидетельств этих отношений пока не обнаружено. Однако нет сомнения в том, что декабристы питали друг к другу взаимный интерес. Тем более, что их жизненные пути не однажды причудливо пересекались. Достаточно сказать, что после Иркутска В.И. Штейнгейль был переведен на поседение в Елань вслед за А.И. Одоевским, он даже жил в доме, принадлежавшем опальному поэту, пользовался его вещами. К сожалению для Штейнгейля, общение с Одоевским продолжалось недолго — в августе этого же года опальный поэт отбыл из Ишима на Кавказ.

О жизни В.И. Штейнгейля в Ишиме было известно немного, но даже то, что удалось выявить в его письмах, записках, других документах, дает возможность составить общее о ней представление. Очевидно, длительное время ссыльный декабрист не имел в Ишиме постоянного и удовлетворительного жилья. А в 1838 г., когда он проживал в одной из хибар, в городе случился пожар, во время которого Штейнгейль, по собственному признанию, «чуть не сгорел» (3. С. 210). Возможно, что после этого пожара декабрист нашел приют в доме ишимского купца Николая Черняковского, человека, безусловно, заслуживающего специального разговора. Здесь достаточно отметить, что

этот купец 2-й гильдии являлся членом Географического общества России. Имя его не должно быть забыто ишимцами, так как он совершил немало добрых дел для города. Плодами его благотворительной деятельности они пользуются до сих пор. Это Н. Черняковский приобрел и передал в дар городу здание приходской школы. Это на средства Н. Черняковского сооружена Никольская церковь. В жилом доме Н. Черняковского долгое время располагался советский суд. Кстати, в ограде церкви, недалеко от тротуара, сохранилась его могила. Проходя мимо, не поленитесь поклониться праху этого истинного радетеля родного края!

Николай Черняковский, по всей видимости, был одним из представителей того замечательного типа русского купца-мецената, основные качества которого выявились в действенной заботе не только о материальном благополучии земляков, но и в неустанном, кропотливом труде по упрочению духовного богатства народа. Знакомство с таким блестящим естественником, каким был Штейнгейль, вероятно, натолкнуло Черняковского на мысль, в результате осуществления которой родилось интересное исследование по краевой географии Сибири.

В некоторых исторических работах, а также в заметках краеведов можно встретить упоминание о том, что Штейнгейль, находясь в Ишиме, написал научно-публицистический очерк, характеризующий хозяйственные, экономические отношения в крае. Действительно, в «Журнале Министерства Внутренних Дел» за 1834 г. опу-

бликован труд под названием «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии». Подписан он, однако, следующим образом: «Сообщено Н. Черняковским, ишимским купцом». Конечно, в том, что работа не подписана именем Штейнгейля, нет ничего удивительного. Государственные органы пристально следили за тем, чтобы политические ссыльные не имели никакой возможности публичного выражения своих взглядов, даже упоминание их имен было запрещено. Но все же есть ли у нас фактические данные, подтверждающие авторство Штейнгейля? Не легенда ли это, пусть и привлекательная? В поисках ответа на эти вопросы неизбежно приходишь к биографическому очерку В.И. Семевского о Штейнгейле, в котором сообщается, что «Статистическое описание...» было написано Штейнгейлем «по предложению ишимского купца Н. Черняковского» (4). Это утверждение почти дословно повторил и А.И. Дмитриев-Мамонов в своем историческом очерке «Декабристы в Западной Сибири» (5. С. 12). К сожалению, оба автора приводят эту информацию без указания первоисточника, что ограничивает ее достоверность. Между тем, первое заслуживающее доверия сообщение об этом факте содержится в мемуарных записках современника декабристов Капитона Голодникова. Уроженец Тобольска, Голодников после окончания губернской гимназии в 1839 г. 17-летним юношей был направлен учителем русского языка в уездное училище в Ялуторовске, где он близко сошелся с декабристами. Через много лет, в 1899 г., «Сибирская торговая га-

зета» опубликовала его воспоминания, в которых, в частности, упоминается Штейнгейль в связи с тем, что «в бытность свою в Ишиме он по поручению ишимского купца Черняковского, члена Географического общества, написал «Историческое описание Ишимского округа», которое и было отпечатано в «Журнале Министерства Внутренних Дел». М.И. Муравьев-Апостол, во время жительства моего в Ялуторовске, сообщив мне книжку этого журнала, посоветовал составить таковое же описание и Ялуторовского округа, что мною и было исполнено» (6. С. 27). Несмотря на некоторые неточности, свидетельство человека, который непосредственно общался с декабристами, позволяет снять сомнения в достоверности этого факта.

По признанию специалистов-географов, труд Штейнгейля «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии» явился «для своего времени новаторским» (7. С. 242). Содержание этого труда отнюдь не сводится к сообщению и анализу только лишь количественных данных. В описании широко использованы сведения географического, культурологического характера. Однако, помимо сугубо научной значимости, он представляет существенный интерес и с нравственно-исторической точки зрения.

Было бы неверным предполагать, что Штейнгейль сосредоточил внимание лишь на позитивных, радующих душу и сердце читателя явлениях ишимской жизни начала 40-х г. XIX в. С душевной твердостью истинного ученого он рисует картину быта и человеческих отношений.

С горечью отмечает автор очерка, что «ни в одном селении нет ни правильности расположения, ни тщательности в постройке. Неприметно следа почтительности о внешнем удобстве для общественной жизни, и в ненастное время все тонет в грязи. Тем менее можно искать чего-либо похожего на садик, на домашнее деревце, призывающее семьянина к вечернему отдыху под тень свою. В этом отношении Сибирь не изменила своего первородного типа».

Однако из поля зрения очеркиста не выпадают и приметы здорового образа жизни, свидетельства достоинств местных жителей. С удовольствием отмечает он трудолюбие, «промышленную изворотливость» ишимцев. Особое внимание Штейнгейля привлекают их семейные устои, ставшие традиционными для сибиряков: «Приглядываясь к семейным нравам, можно найти в домах зажиточных крестьян родственную любовь, уважение к старшим. Отличительную черту составляет здесь вообще соблюдаемая в домах чистота. В самых бедных домах нельзя увидеть той неопрятности, какая встречается в России от содержания домашних животных в той же избе, в которой живут сами. Большей частью избы выбелены внутри: и это подновляется, по крайней мере, раза два в год, особенно к большим праздникам, как то к Рождеству и к Пасхе. Полы держатся в изумительной белизне: загаженный пол — стыд хозяйке; их не только моют, но скоблят ножами, хотя это сопряжено с особенной трудностью. Вообще трудолюбие здесь более примечается со стороны женского пола. На

них лежит все хозяйство, весь домашний обиход... В одежде видна не только опрятность, но и щегольство.

Нельзя не отметить в здешних нравах сохранившегося еще гостеприимства. Можно нередко слышать, предлагая плату за угощение: «На что? Нас Господь благословил! Будет с нас!»

Встречаются приметы благотворительности: призрение дальних родственников или чужих сирот. Вообще, утешительно заметить, что здесь в крестьянских обществах очень мало совершенно нищих. Дряхлые отставные солдаты, вдовы, солдатки, солдатские женки с детьми... все проживают у родных или знакомых. Даже престарелые ссыльные находят подобный приют и признание. Опасности от разбойников и воров здесь почти вовсе не знают. По крайней мере, случаи воровства, тем более разбоя, очень редки».

Знакомясь сегодня, в наше смутное время, с теми нравственными устоями, которые тщательно оберегали сибиряки более чем полтораста лет назад, невольно думаешь о том, что нелишне было бы нам избавиться от высокомерия по отношению к прошлому. Право слово, нам есть чему у него поучиться.

Однако вернемся к судьбе Штейнгейля. Не только тоска и огорчения сопровождали его в Ишиме. Здесь приключилась с ним и романтическая история. Судьба связала его с ишимской женщиной, вдовой чиновника, которая стала его гражданской женой. Видимо, связь эта была достаточно прочной, так как весной 1840 г. Штейнгейль

отбыл в Тобольск вместе с ней. И уже там родились у них двое детей – погодки Маша и Андрей. К сожалению, нам почти ничего не известно об этой женщине. Можно только предполагать, что фамилия ее была Петрова, потому что сын ее Андрей учился в Тобольской гимназии под этой фамилией.

Особенно настойчиво стремился Владимир Иванович дать хорошее образование Андрею. В последние годы жизни декабриста в его письмах к друзьям и «соузникам» неизбежно звучит мотив заботы о сыне: «Все мысли, все желания сосредотачиваются на сыне Андрее» (1. С. 456); «Тут на ставке вся будущая жизнь бедного сына моего несчастья; мне бы хотелось умереть с утешительной уверенностью, что он не будет лишен образования и будет подпорою сестре своей и матери» (1. С. 457). Последними словами Штейнгейля, которые он не мог уже произнести, но написал слабеющей рукой, были: «Прошу, не оставьте моего сына Андрея» (1. С. 52).

Все упоминания Штейнгейля о его детях, рожденных в Сибири, проникнуты трогательной отцовской гордостью за них. В одном из писем декабрист в порыве откровения признался: «Две заботы возмущают дух постоянно: воспитание сына и неоставление дочери, рожденных в «несчастии», в безнадежности возврата. Сын здесь, дочь при матери: оба одарены качествами радующими... Поведение, прилежание, успехи, вообще нравственные качества сына доставляют мне полное утешение и оправдывают мою о нем заботу.

Что сказать о дочери? Она получает теперь 120 рублей в женском приюте, как учительница вышивания» (1. С. 455).

До конца дней своих Штейнгейль не прекращал хлопот об устройстве жизни Маши и Андрея. 20 мая 1857 г. в письме на имя Александра II он просил узаконить существование своих сибирских детей: дать им «величание по отцу, прозвание Бароновых... и право личного почетного гражданства» (1. С. 391). Эту просьбу царь удовлетворил, правда, дети не были признаны законными. В пояснение этой просьбы следует напомнить, что по предписанию III Отделения от 24 февраля 1842 г. декабристы получали право отдавать своих детей в военно-учебные заведения или девичьи институты, по окончании которых им возвращалось дворянство. При этом они должны были отказаться от своей фамилии и принять новую, по имени своего отца. Первой согласилась на эти условия многодетная семья Василия Львовича Давыдова, дети которого стали называться Васильевыми. Декабристы первоначально без сочувствия отнеслись к поступку Давыдовых. Фонвизин по этому поводу писал Пущину 23 июня 1842 г.: «Не судя Василия Львовича за принятое им предложенного правительством, я не поступил бы так и нахожу, что все наши, отказавшись, поступили по совести и сделали должное». Однако позднее, надо думать, острота реакции на подобные решения сгладилась.

Так появились на сибирской земле потомки Штейнгейля, носившие странную для этих мест фамилию

Бароновых. Один из них, внук декабриста, Герман Андреевич Баронов в конце 1930-х гг. преподавал иностранные языки в школах Омска. В 1939 г. он опубликовал в журнале «Омская область» статью о своем деде.

С 1838 г. Штейнгейль начинает ходатайствовать о переводе из Ишима в какой-либо другой город Сибири. Главная причина этих настойчивых просьб – стремление соединиться со своими соратниками. Его привлекают Тобольск, Курган, Туринск – «все равно. Во всех трех есть мои товарищи. Одинакое положение, близкое участие облегчают в несчастии более всего». После многочисленных отказов в январе 1840 г. ему, наконец, разрешили покинуть Ишим, а 7 марта он был доставлен в Тобольск. На этом, казалось бы, обрывается ишимская страница жизни декабриста Штейнгейля. Однако есть еще один любопытный эпизод в его судьбе, который, может быть, напоминал ему о трехгодичном поселении в Ишиме. По прибытии в Тобольск Штейнгейль познакомился и неожиданно близко сошелся, несмотря на 32-летнюю разницу в возрасте, с П.П. Ершовым. Инициатива в установлении дружеских связей, по-видимому, принадлежала поэту-сказочнику. Ершова привлекали в престарелом декабристе глубокий аналитический ум, житейская мудрость, нравственная безупречность. Об этом можно судить по признанию Штейнгейля в одном из писем: «Сообщу теперь тебе, –писал он Г.С. Батенькову, – нечаянность, какая случилась со мною. 10 числа попал я в посаженные отцы. Наш инспектор гимназии – автор «Конька-Горбунка», женился на до-

чери генерала Черкасова. Оба с нареченною... убедили меня согласиться. И на другой день молодой сказал мне, что ему «приятно называть меня отцом»».

Сердечность отношения Ершова вызвала ответное чувство декабриста. Говоря о близких ему людях, «мыслящих благородно», Штейнгейль признавал, что «от них же первый есть сынок мой П.П. Ершов».

В который раз убеждаешься: неисповедимы пути Господни! Удивительно это внезапно родившееся родство душ людей столь разных. Кто знает, быть может, одним из его стимулов была сердечная память о маленьком, занесенном снегами в сибирской степи Ишиме.

Примечание

1. *Зейфман Н.В.* Декабрист Владимир Иванович Штейнгейль // В.И. Штейнгейль. Сочинения и письма. – Т. 1. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985.
2. Из жизни декабристов в Сибири (Письма С.Б. Броневского – С.Р. Лепарскому) //Русская старина. – 1899. – № 11.
3. Записки В.И. Штейнгейля // Мемуары декабристов. Северное общество. – М.: Изд-во Московского университета, 1981.
4. *Семевский В.И.* Барон В.И. Штейнгейль // Общественные движения в России в первую половину XIX века. – СПб., 1905.
5. *Дмитриев-Мамонов А.И.* Декабристы в Западной Сибири: Исторический очерк по официальным документам. – СПб., 1905.
6. Голодников К. Декабристы в Тобольской губернии. (Из моих воспоминаний). – Тюмень, 1899.
7. Никитин Н.П. Экономико-географические работы декабристов // Вопросы географии. Экономическая география: Сб. – М., 1957. – Ч. 1.

1 января 1925 года. № 1-й. Цена отд. №-ра 10 к.

Из дремучих сибирских лесов вооружившись вилами, вышел красный „Медведь" и повел борьбу с бюрократизмом, взяточничеством, религиозным дурманом и всеми темными силами.

Сатирический журнал «Медведь»

Значение сатиры в развитии отечественной словесности трудно переоценить. Еще со времен Н.А. Добролюбова стало крылатым суждение о том, что русская литература «началась сатирою, продолжалась сатирою и до сих пор стоит на сатире». Однако даже с учетом этой, на мой взгляд, несколько гипертрофированной характеристики, нельзя не отметить, что сатирические жанры в литературе 20-х гг. XX в. переживали своеобразный расцвет. По интенсивности появления и разнообразию сатирических произведений этот период трудно сравнить с каким-либо предшествующим, не говоря уж о последующих. На страницах многочисленных периодических изданий в то время щедро раскрыли свои таланты сатирики-новеллисты и фельетонисты (М. Зощенко, Вяч. Шишков, В. Катаев, Остап Вишня, И. Ильф и Е. Петров). Появились блистательные сатирические повести М. Булгакова «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Тогда же было написано оставшееся на десятилетия недоступным для читателя «Собачье сердце». Все решительнее обращался к сатире Вл. Маяковский («Клоп», «Баня»).

В 1-й половине десятилетия преобладающими все же были газетно-публицистические формы сатирической прозы, которые как бы готовили почву для развития более масштабных жанров. В это время только на русском языке выходило в Советской России несколько десятков сатирических журналов, которые возникали один за другим. «Красный перец», «Крокодил», «Бузотер», «Смехач», «Чудак», «Бегемот», «Лапоть» – эти центральные сатирические журналы пользовались огромной популярностью у читателей, они хорошо известны ученым, изучающим историю отечественной журналистики.

К сожалению, гораздо меньше внимания уделяется исследователями многочисленным сатирическим изданиям, возникшим в первой половине – середине 20-х гг. в российской глубинке. Между тем, процесс возникновения такого рода изданий – явление поистине уникальное, заслуживающее серьезного анализа.

Большое количество сатирико-юмористических журналов появилось в то время и в Сибири. Достаточно перечислить только некоторые из них: «Штык» (Иркутск), «Свисток» (Благовещенск), «Носорог» (Красноярск), «Сибирская язва» (Красноярск), «Микроскоп» (Ново-Николаевск), «Скорпион (сибирский)» (Ново-Николаевск), «Язви-те!» (Ново-Николаевск), «Рваная галоша» (Томск), «Дуболом» (Томск).

Среди многочисленных периферийных сатирических изданий первого послереволюционного десятилетия заметно выделялся журнал «Медведь», выходивший в 1925–1926 гг. в городе Ишиме. Этот журнал возник как приложение к ишимской

газете «Серп и молот». В ее декабрьских номерах за 1924 г. появился сатирический отдел под названием «Миша принимает», а 11 декабря было опубликовано объявление: «С 1 января 1925 г. отдел нашей газеты будет преобразован в двухнедельный юмористический журнал «Медведь». Издание этого журнала выдвигается не редакцией, а самими читателями «Серпа и молота», так настоятельно требующими расширения данного журнала. К сожалению, этого расширения произвести невозможно, так как тогда наша газета превратилась бы в юмористическую. «Медведь» будет выходить регулярно 1-го и 15-го числа каждого месяца и будет высылаться подписчикам «Серпа и молота» за доплату 20 копеек в месяц. Спешите подписаться!»

В отличие от многих родственных журналов того времени, «Медведь» выходил стабильно, без перерывов в течение полутора лет. Всего вышло 32 номера. Для сравнения: бийский «Обуток» вышел 16 раз, томский «Дуболом» – 8, красноярская «Сибирская язва» – 3 и т.д. «Медведь» был заметно солиднее своих «собратьев» и с точки зрения полиграфии. Он печатался на 8 страницах с цветными иллюстрациями. Однако еще более важно то, что значительно более качественным был публикуемый на страницах «Медведя» сатирический материал. В определенной мере этому способствовало участие в издании журнала опытных мастеров сатирического жанра, авторов московских изданий – М. Андреева, М. Андриевской, Ф. Благова, Б. Левина. Страницы «Медведя» оживлялись остроумными рисунками известных художников-карикатуристов И. Чашникова, В. Радакова, К. Елисеева,

И. Малютина. Внимание московских сатириков к провинциальному журналу объясняется тем, что столичный «Лапоть» взял шефство над «Медведем». Ишимские журналисты дорожили добрыми отношениями со своими московскими коллегами, что находило отражение в материалах «Медведя». Так, в № 8 за 1925 г. сообщалось, что «секретарь журнала «Лапоть» (Москва) сказал, что « Медведь» вполне приличный журнал». Информация сопровождалась рисунком: огромный лапоть с широко открытым «ртом». Внизу подпись: «А «Медведь»-то, хотя и в трущобах водится, а не так уж дик, как я думал».

Однако было бы неверным преувеличивать значение москвичей в издании «Медведя». Сотрудники ишимского издания не были лишены профессионального достоинства и даже позволяли себе иронические комментарии по поводу совместной работы с московскими сатириками. Так, в одном из номеров журнала было помещено сообщение: «Секретарь газеты «Серп и молот» (дочерним изданием которой был «Медведь». – *Ю.Д.*) просил редакцию «Лаптя» взять шефство над журналом «Медведь». Информация была своеобразно прокомментирована помещенным под ней рисунком: Медведь натягивает на лапу лапоть. Внизу подпись: «Вот чудото. Такой размер и никак на ногу не натяну. Придется, видно, мыло в ход пускать».

Безусловно, сам дух журнала, направленность его содержания, не говоря уж о характере оформления, определялись местными журналистами. Почти все номера «Медведя» подписаны его редактором В.М. Трухановским, сыгравшим, очевидно, решающую роль в создании жур-

нала. Его литературными сотрудниками были ишимцы Т. Корушин, В. Яковлев (псевдоним В. Ветров), А. Воронов, Е. Иванов, К. Канин, Л. Лебедев и другие. Оформлял журнал ишимский художник-карикатурист А.И. Парвицкий.

В первом же номере «Медведя» была четко определена сатирическая программа журнала. На первой его странице изображена огромная фигура медведя (красного цвета), от которой в разные стороны разбегаются людишки, олицетворяющие те темные силы, на борьбу с которыми поднялся «Медведь». Подпись под рисунком гласит: «Из дремучих сибирских лесов, вооружившись вилами, вышел красный «Медведь» и повел борьбу с бюрократизмом, взяточничеством, религиозным дурманом и всеми темными силами». Здесь же изображены «подарки» «Медведю» от доброжелательных читателей, дающих ему напутствия: «Ножницы – не те, которые были в ходу в свое время (производственные, хозяйственные «ножницы» Троцкого). Теперь о них начали забывать, а их место занимают ножницы, урезывающие прогулы, накладные расходы, темноту и невежество.

Бич – которым долгое время поддерживалась царская власть и на котором держалась у нас колчаковщина. В наше время его можно использовать для подхлестывания халатности, разгильдяйства, невежд, лени и т.д. Пользуйся, Миша, им шире. Не бойся, что разобьется».

Позднее определились основные темы: бичевание пьянства, самогоноварения и хулиганства, высмеивание религиозных предрассудков и мещанских нравов, борьба с фактами эксплуатации человека. Разнообразие тематики запечатлелось

в многочисленных сатирических отделах и рубриках, наименование которых связано с главным «персонажем» журнала — Медведем: «На приеме у Миши», «Мишина шпилька», «К Мише на прием валят со всех сторон», «Из записной книжки Медведя», «Мишин музей», «Телеграммы МИШТа (Мишиного телеграфного агентства)» и т.д.

Большинство публикаций основывалось на сведениях, поступивших от читателей. Сатирически подправленные выдержки из писем давались с комментариями. Например, в одном из номеров сообщалось: «Делопроизводитель начальника Усть-Ламенского района милиции Андрей Субботин каждый праздник в полной милицейской форме зашпаривает на колоколах поповскую комаринскую. Если так будет и дальше, то Субботин за год комплектов пять милицейского обмундирования сносит. Комсомолец». Далее следует «Резолюция Медведя»: «И одного доносить не успеет. Срочно Субботина произвести в пономари и натянуть поповскую рясу. Жаль вот только, что милицейский мундир запоганил — отобрать придется».

Нередко «резолюции» «Медведя» давались в стихотворной форме. Так было представлено, например, сообщение селькора: «В д. Чирки Ларихинского р-на гости гр-на Королева Ивана, перепившиеся, катались по деревне в лодке, привязанной к лошадям». «Медведь» прокомментировал:

Прошло 24 года двадцатого века.
Все-таки недостаточны приобретения человека.
Додумались чирковские мужики до других
изобретений.

Решили ... изменить существующий способ
передвижений.
На заседании в квартире Королева Вани
Постановили: «Считать отжившими свой век
телеги и сани.
Уведомить всех крестьян сходкой
О замене в сельском хозяйстве телег и саней
лодкой.
Так, видите ли, итог вот —
Чирки имеют лодочно-сухопутный флот.

На страницах «Медведя» высмеивались проявления бескультурья, невежества, воинствующего мещанства. Характерен в этом смысле материал из рубрики «Мишин музей» под названием «Наездник». Вначале «Медведь» удивляется: «Я полагал, что только в городских цирках показывают верховую езду на разных животных. Оказывается, ошибся». Далее цитируется письмо селькора: «В селе Рождественском Сладковского р-на завшколой Казакевич так напился на свадьбе самогона, что поехал кататься на свинье с криками: «Вези меня скорее, туда, где веселее». Резолюция «Медведя»: «Окроно! Укажи ему скорее, туда, где будет веселее».

Редакция «Медведя» уделяла много внимания укреплению связи с читательской аудиторией. Причем некоторые публикации играли роль своеобразных творческих уроков для селькоров. Например, в разделе «Почтовый ящик» (1925, №7) читаем: «Всем медвежкорам. Пишите обо всем том, что вы видите худого и скверного вокруг себя. Если можете, ста-

раитесь придать присылаемым вами заметкам юмористическую форму. Помните, что высмеять ядовито и зло какое-нибудь нехорошее дело — это значит покончить с ним». Журнал направлял внимание своих внештатных авторов на наиболее злободневные вопросы современности. Редакция обращалась к читателям с таким, например, призывом:

«Медведю» срочно нужны письмишки
Про темные дела и делишки.
«Медведю» экстренно требуются стихи и проза,
Для всего неограниченная доза...

Редакция журнала дорожила своим авторитетом у читателей, связью с сельскими корреспондентами, справедливо видя в этом залог его успеха и практической необходимости. Судя по опубликованным в журнале материалам, ответная реакция была оперативной и доброжелательной. Уже во втором номере за 1925 г. напечатан отклик крестьян на появление «Медведя»:

«Уважаемый Миша! Шлем тебе искренний привет и подносим для начала список на 14 подписчиков. Обещаем завербовать в нашей маленькой деревне еще не менее 40. Твоему появлению мы очень рады и еще раз горячо приветствуем. Твердо стой на страже интересов трудового крестьянства и беспощаднее веди борьбу с гнойниками нашей общественности.

Кружок друзей
местной газеты д. Макаровой».

Без преувеличения можно сказать, что «Медведь» играл заметную роль в общественной и культурной жизни крестьянства Приишимья. Публиковавшиеся на его страницах и в газете «Серп и молот» отклики на сатирические материалы свидетельствуют о том, что читатели любили своего «Медведя».

Так, селькор И.Т. Семенов сообщал: «Редакция просила нас, крестьян, высказать свое мнение о нашем журнале. Скажу одно: с увлечением читают молодежь и бородачи журнал. Настроение бывает у них всегда бодрое, веселое. В моду вошло при всех разговорах употреблять имена «Еремей», «Медведь». Даже неграмотные и те с напряженным любопытствам по складам читают «Медведя». А кой-кто из стариков, скупо улыбаясь, говорит: «Им черти писать подсказывают! Словно они живут с нами, видят, что мы делаем и подслушивают наши разговоры!»

О популярности журнала свидетельствует и неуклонный рост его тиража. Если первые номера «Медведя» выходили в количестве 1200 экземпляров, то последующие – 3000 экземпляров.

Однако в дальнейшем редакции, к сожалению, не удалось выдержать столь высокий уровень издания. В материалах журнала за 1926 г. начинает все более ощущаться эмпиризм, редакция словно «тонет» в однотемном материале, не умея выявить в нем социальные тенденции. Постепенно сглаживается масштабность выступлений «Медведя», которым теперь уже явно недостает проблемности. Да и связь

с общественностью становится весьма зыбкой. Не случайно в № 5 за 1926 г. помещен рисунок: плачущий Миша вытирает слезы платком, а рядом с ним — груда писем. Подпись под рисунком: «Миша плачет, а отчего? Вот отчего: уж слишком наши селькоры и корреспонденты о пьянке и о драках много пишут, как будто бы и писать больше не о чем.., а о настоящем деле и не пишут... ну, никак материала не выберешь. Вот отчего Миша плачет». В апреле 1926 г. начинаются перебои в выпуске номеров журнала. В это время редакция существенно расширяет отдел международных отношений, чаще использует перепечатки из столичных изданий. В июне 1926 г. на 10 номере издание журнала прекратилось. Официальная версия закрытия журнала «Медведь» выражена в объявлении, напечатанном в газете «Серп и молот»: «С 1 июня с. г. крестьянский юмористический журнал «Медведь» вследствие технических затруднений в печатании прекращается выходом... Редакция «Медведя» обращается ко всем своим корреспондентам с просьбой продолжать свою работу на страницах газеты «Серп и молот».

Есть основания предполагать, что технические затруднения были не главной и уж во всяком случае не единственной причиной прекращения издания «Медведя». Нельзя совершенно исключить и возможности определенных расхождений позиции редакции журнала с официальной линией в сфере политических отношений. В этом смысле любопытна заметка, напечатанная в № 6 за 1926 г. под заглавием: «Кто кулак, а кто старательный хозяин». В заметке устами крестьянина сообщается: «К примеру сказать, приехал к нам

недавно один мужичок. Работящий, видимо, был парняга. Начал книжки читать, с агрономом ездил в город советоваться, скотинку свою водил на ветпункт прививаться. Глядишь, у него через годик изба веселая стала. Окна чистые, занавески серые висят, из трубы дым валит – хозяйка к обеду готовит. А заглянешь во двор: и косилка стоит, и лошади овес жуют. Кулак, – загалдела беднота – объявился у нас! Нет, не кулак, а старательный хозяин. Потому не ленится он, а работает и дом в порядке держит. Ну, и все хорошо идет. И без батрака обходится, потому у самого руки крепкие есть».

Редакция поддержала мнение хлебороба, устами «Миши» наложила резолюцию: «Такому хозяину в Советской республике – честь и место».

Вероятно, в деле прекращения журнала сыграли свою роль и изменения в судьбах людей, усилиями которых обеспечивалось его существование. Показателен, например, тот факт, что редактор «Медведя» В.М. Трухановский, который одновременно редактировал и газету «Серп и молот», в июле 1926 г. прервал свое участие в выпуске газеты. Ее 84-й номер от 19 июля подписан уже И. Куликом.

Пока что нет дополнительно подтвержденных фактов, которые дали бы возможность осветить историю «Медведя» во всей ее полноте. Однако не вызывает сомнения то, что ишимский сатирический журнал был примечательным явлением не только в сибирской журналистике советского периода, но и в духовной жизни нашего края.

В.Г. Распутин
в дни пребывания в Сургуте
(15–17 марта 2004 года)
Фотография Л. Березницкого

В.Г. Распутин. Три дня в Сургуте

Было уже за полночь, когда в аэропорту Сургута мы встречали Валентина Григорьевича Распутина. Давно уже знакомы заочно, переписывались, разговаривали по телефону, но вот так — с глазу на глаз — видимся впервые. Первые рукопожатия, слова приветствия, традиционные при встрече фразы. Он совершенно прост в общении, свободно подхватывает чье-то произнесенное в смущении предложение, отвечает на вопросы. С ним легко с первых минут общения. И только изредка замечаешь на себе внимательный, кажется, изучающий взгляд. Внутренне подтягиваешься, это ведь взгляд любимого писателя. Невольно думаешь: это его глазами увидена вспыхнувшая на дне Ангары спичка, которая манит к себе Настену Гуськову, это его устами рассказаны истории учительницы французского языка Лидии Михайловны и Тамары Ивановны, казнившей насильника своей дочери. Уже почти четыре десятилетия мы все находимся в поле притяжения творчества одного из первых в современной России писателей,

горюем и радуемся вместе с его героями. Само присутствие В.Г. Распутина в нашей общей жизни принципиально важно. Он дает нам возможность увериться в том, что великие свершения русского народа это не сказка, не миф, что и Пушкин, и Достоевский, и Шолохов — высокие проявления русского духа — реальность не только в прошлом, но и в нашей сегодняшней жизни.

Осознание этого в бытовом общении сковывает, вынуждает сдерживаться, произносить какие-то чересчур правильные слова. Но по пути в гостиницу напряженность снимается, завязывается разговор и уже не хочется расставаться, но нужно, ведь завтра — не завтра, сегодня уже — насыщенный день и, главное, первая встреча писателя с сургутянами. Какой-то она будет?

Прощаемся, оставляя на утро поздравления Валентина Григорьевича с днем рождения. Да, так случилось, что именно сегодня, 15 марта, когда писатель впервые ступил на сургутскую землю, — его личный праздник. Конечно, это совпадение, но так хочется верить, что есть в нем нечто знаменательное.

Сургутская общественность к встрече с В.Г. Распутиным готовилась заранее. Ведь ждали ее почти два года, с тех пор, как была получена от него первая обнадеживающая весточка. Накануне приезда писателя состоялась общегородская читательская конференция по только что опубликованной его повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Мы в последние годы стали уже забывать о такого рода обсуждениях, которые ранее-то, бывало, проводились часто. Кое-

кто видит в этом примету угасания интереса некогда «самого читающего народа» к литературе вообще. Вряд ли это так. Думаю, что прежде всего это связано с отсутствием в последнее время таких произведений, которые, что называется, «взяли бы за живое», и не ограниченное число любителей изящной словесности, а всех. И вот такое произведение появилось. И сразу же вызвало горячий отклик читателей. Повесть обсуждается по всей России, высказываются самые противоречивые суждения – от полного несогласия с автором до безусловной его поддержки. Иначе и быть не может, ибо размышляя о произведении В.Г. Распутина, мы думаем прежде всего о себе сегодняшних, о том, что с нами происходит. Вот и на конференции в Сургутском пединституте не обошлось без крайностей. Одни искренне сочувствовали героине повести Тамаре Ивановне, другие заявили о том, что она сама повинна в своем несчастье, ибо «живет вне культуры», не читает книг и не ходит в театры и детей этому не научила. Ответы на недоумения читателей не лежат на поверхности произведения и поэтому все ждали встречи с писателем, надеясь от него получить их.

Однако, пожалуй, особенно трепетно готовились к приезду В.Г. Распутина в Сургутском фонде развития российской словесности. Вместе с руководителями Фонда Н.В. Ганущаком и С.А. Лагеревым мы тщательно продумали всю программу пребывания знаменитого писателя на сургутской земле. Конечно, нашей первой заботой было стремление организовать все так, чтобы как можно

большее число сургутян услышало слово писателя, могло бы спросить у него о чем-то самом сокровенном. Но нам очень хотелось, чтобы и у В.Г. Распутина сложилось более или менее цельное представление о нашем северном городе, о его замечательных людях. Что показать желанному гостю? В первую очередь, разумеется, наши образовательные учреждения – педагогический институт и университет. Это наши «собственные», сургутские вузы – предмет заботы и гордости всех горожан. Возникшие в течение каких-нибудь десяти лет тому назад, они уже стали основой образовательной системы в городе, да и в округе, более того, рельефно выделились и в ряду высших учебных заведений России.

Писатель побывал и в пединституте, и в университете, беседовал с их преподавателями, студентами. И хотя за несколько часов посещений трудно было составить объемное представление о вузах, все же главное, самобытное было отмечено. Так, познакомившись с пединститутом, В.Г. Распутин отметил: «Очень важно, я думаю, что у вас город чистый, судя по тем зданиям, в которые я входил, как ваш институт. Там даже, оказывается, надо и обувь снимать для того, чтобы пройти наверх. И правильно: святая святых, наука! Так и нужно, наверное».

Но, пожалуй, наиболее сильное впечатление на В.Г. Распутина произвело посещение им знаменитой нашей Сургутской ГРЭС-2. Да и как было не подивиться и не порадоваться. Такая мощь, новейшее оборудование, современные технологии! И всем этим без спешки, без

надрыва, спокойно и уверенно управляют наши земляки, те, чьими руками и созидалось это гигантское предприятие. Видно было, как оживился писатель, с какой увлеченностью беседовал с работниками ГРЭС, как пристрастно всматривался в них, вслушивался в их пояснения и рассказы. Позднее, в кабинете директора предприятия Сергея Алексеевича Бахметова, как бы подводя итог увиденному, признался в том, что его более всего поразило: «Главное, что вы сумели все сохранить. Ведь с 1993 г. везде было разгильдяйство. Везде же было, даже в космонавтике. А вы все-таки удержались и выдержали. И это здорово!»

Здесь, в цехах Сургутской ГРЭС-2, писатель думал о вполне вероятной судьбе всей России, с горечью и тревогой спрашивал как будто самого себя: «А если бы не ваша станция, не сургутские нефть и газ, что было бы? Зачахли бы, наверное, теперь?»

Нельзя не сказать и еще об одном. Нам, сопровождавшим Валентина Григорьевича, было чрезвычайно приятно наблюдать за нашими земляками-сургутянами в их общении с писателем. Они вели себя достойно, не суетились перед высоким гостем, но при этом отдавали себе отчет, с кем встречаются и беседуют. По их поведению было понятно, что В.Г. Распутин для них — не некий заоблачный вития, а властитель сокровенных дум и переживаний о насущных проблемах нашего непростого нынешнего бытия. Думаю, что и писатель был растроган, когда в конце встречи выстроилась целая очередь читателей с просьбой об автографах. Люди принесли свои книги В.Г. Распутина раз-

ных лет изданий, в большинстве потрепанные (значит, читаемые!), не только для того, чтобы получить письменные свидетельства встречи с любимым автором, но и выразить ему поддержку и самые добрые чувства.

Уже покидая здание ГРЭС-2, писатель остановился перед небольшой доской для объявлений. На сей раз все ее пространство было занято поздравлением с днем его рождения и краткой биобиблиографической справкой о нем. И снова все это – неназойливо и деликатно, свидетельствуя о чувстве меры и душевной чуткости радушных хозяев.

Прощаясь с В.Г. Распутиным, работники ГРЭС-2 искренне, по русскому обычаю, пригласили его посетить Сургут в следующем году, который будет для их предприятия юбилейным. В ответ писатель напомнил, что 2005 г. будет и годом 60-летия нашей Великой Победы: «У вас гостей хватит», – и пообещал: «А я потом позднее как-нибудь приеду». Эти слова прозвучали как выражение самой искренней признательности сургутянам за их гостеприимство.

В течение трех дней своего пребывания в Сургуте В.Г. Распутин посетил центральную городскую библиотеку им. А.С. Пушкина, побывал в краеведческом музее, любовался окрестностями города, особенно, раскинувшейся во всю ширь Обью и великолепным в своем изяществе двухкилометровым автомобильным мостом, опоясавшим непокорную великаншу.

Для всех, кто в этих встречах и поездках был рядом с писателем, эти дни остались в памяти как время интел-

лектуально и чувственно насыщенное, необычное, позволяющее с особой точки зрения посмотреть на текущую повседневность. Не у одного автора этих строк было ощущение, что В.Г. Распутин словно бы вернул нас из некоей условной, созданной средствами массовой информации и самой структурой утвердившихся в обществе формальных связей действительности (ныне ее принято называть виртуальной реальностью) в настоящую, подлинную жизнь. Конечно, открывшаяся в этом случае картина гораздо драматичнее той, приглаженной и рационально мотивированной, но зато она и правдивее, и ярче, и, главное, в ней, а не в придуманной — коренятся истоки всех наших невзгод и нашей будущности.

Конечно, и сам писатель раскрылся перед сургутянами в каких-то новых своих личностных и профессиональных качествах. Вот, например, о нем иногда говорят как о человеке неуступчивом, твердом в своих убеждениях и взглядах. И мы это ощутили. Но почувствовали и другое: как она нам необходима сегодня, устойчивость в защите своих принципов и идеалов в условиях, кажется, поразившего всех конформизма. В.Г. Распутин убеждает в этом не декларативно и вовсе не по специальному замыслу, а естественной и искренней манерой своего поведения во всем. При этом, вот что очень важно, он необыкновенно чуток к собеседнику. И если речь идет о каких-то частностях, готов поступиться своим самочувствием, лишь бы не огорчить человека. Помнится, как он отказался было от выступления перед телекамерой питерских журналистов,

сославшись на нездоровье (действительно, давала о себе знать недавно перенесенная простуда) и как некая дама с азартом принялась его уговаривать, пока не добилась своего; устало улыбнувшись, он согласился: «Ну, хорошо. Пусть будет так».

Понятно, что самое мощное впечатление на сургутян произвели выступления писателя. Они были разными по содержанию, по манере общения с аудиторией, но в них было и то общее, что знакомо читателям В.Г. Распутина по его произведениям. Нелегко определить словами это качество, пожалуй, точнее всего будет сказать, что это задушевная искренность. Абсолютное отсутствие какой-либо рисовки или заигрывания со слушателями. С первых и до последних минут встреч в аудиториях властвовало ощущение, что все, о чем говорилось — это всерьез, это выстрадано и это — о самом главном. Это ощущение настраивало и слушателей на определенный лад. Писателю были заданы десятки вопросов, порой ершистых, настроенных на полемику, но всегда и безусловно уважительных. Позднее, отдыхая после многочасовой встречи, В.Г. Распутин похвалил сургутскую публику, заметив, что «вопросы были дельными». Особенно его порадовало то, что их во множестве задавали молодые люди: «Это главное. Значит, не все потеряно. Будем жить!»

День третий пролетел незаметно, еще стремительней, чем два предыдущих, и расставание подошло неожиданно. Так много еще хотелось сказать, о многом спросить! Но вот уже снова все тот же аэропорт, вынужденная то-

ропливость прощания, положенные в таких случаях слова. А потом – и до сих пор – не проходящая грусть от образовавшейся пустоты в душе, которая была переполнена накануне присутствием в твоей жизни большого и светлого человека. Но на столе, всегда под рукой, небольшая книга с короткой, но дорогой надписью, в которой слова: «отныне – дружески». И еще – надежда на новые встречи. А пока предстоит нелегкий, но блаженный труд осмысления того, что было услышано от писателя, труд постижения нашей общей доли, судьбы нашего дорогого Отечества.

В.Г. Распутин на встрече с преподавателями и студентами Сургутского государственного педагогического института

В.Г. Распутин и Ю.А. Дворяшин в Сургутском государственном университете

Фрагменты выступлений В.Г. Распутина перед читателями города Сургута

(15–17 марта 2004 г.)

В.Г. Распутин. Спасибо большое за доброе слово обо мне. Но в таких случаях и значение и талант писателя несколько превозносятся. Так уже принято, это идет от нашего великодушия и гостеприимства. Я себе цену знаю, я не снижаю ее, но и никогда ее не набивал.

Знаю, что возраст не способствует полному раскрытию слова, не помогает сказать так, как мог раньше. Тогда чего-то не хватало, может быть, опыта, какого-то ощущения, что сказать надо именно так. Сейчас это есть. Но вот ищешь, ищешь, как сказать, чтобы это отвечало характеру человека, чтобы отвечало той картине, которая расстилается перед тобой, так, чтобы вкусно было. Вот для меня самое главное в литературе, это не интересно, а чтобы вкусно было читать; самое главное, разумеется, язык. Да, человек, характер очень важны; события, сюжеты очень важны. Но прежде всего в русской литературе всегда был, конечно, язык. И когда я сам чи-

таю Бунина ли, Достоевского ли, Шмелева, Астафьева, Носова, Лихоносова, Потанина, для меня самое главное наслаждение — язык. Когда тяжело, а последние годы тяжело было довольно часто, я брал книгу, погружался в нее, и все проходило. Становилось легче, и я понимал, что пройдет, все пройдет. Все минует. Потому что не так-то все это просто — загнать в могилу такую могучую, великую страну. Не так просто сделать из нас каких-то холуев, каких-то рабов, ничего из этого не получится, как бы ни пытались.

Да, мы страдаем, когда нас считают за таких. И понимаем прекрасно, что мы не те совершенно, но даем какие-то основания называть нас именно так, потому что не сопротивляемся. Для меня это проблема, да и не только для меня, но и для многих, почему не сопротивляемся, не показываем себя во всю мощь и во все свое величие, во всю доброту своего сердца. Мощь и величие, это понятия, может быть, не столько относятся к одному человеку, а вот красота сердца должна быть в каждом человеке. И если мы стесняемся ее показывать, значит, чего-то плохо, значит, может быть, красоты не хватает.

Я должен признаться, что я вот такой аудитории несколько побаиваюсь. Я знаю, как разговаривать с пожилыми людьми, знаю что они читают, потому что в 70–80 гг. не читать, мне кажется, было невозможно. Все читали тогда, все читали и этим тоже спасались, потому что уже приближалось то время, которое наступило потом в 80-е, наступал кризис, духовный и государственный. Если не

открывались храмы, то часто человек погружался в книгу как в храм, как приближался к храму. Вот это все-таки было. Читали, конечно, очень много.

Я помню аудиторию, где десять тысяч человек собирались, когда приходила группа «деревенщиков», весь зал — 10 тысяч человек — поднимался, приветствуя этих писателей, потому что это что-то значило. Тогда литература вообще что-то значила. В 80-е годы — миллионные тиражи у того же «Нового мира», у всех журналов были огромные тиражи, и этих тиражей не хватало. Тогда очень острая была необходимость в чтении.

Вот вчера мне поступил вопрос, вероятно, от молодого человека: «Зачем нам, молодым, нужна старая Россия?» Ну, а как же без старой России, если это — основание не только нашей страны, но и основание каждого человека, начало каждого человека, без этих начал, без этого основания, без того нравственного, духовного, без того исторического, без того просто человеческого, что было тогда развито, выжить без этого мы не можем, разумеется, никак. Мы тем самым выказываем неуважение или не хотим признать ни родителей своих, ни, особенно, бабушек своих. Бабушек надо уважать. Я думаю, что этот молодой человек тоже уважает и любит свою бабушку. Ну, как же без этого обходится? А считается, что старая Россия — это что-то прошедшее, никому не нужное, потому что жизнь сейчас стремительно пошла вперед, науки у нас появились новые, мысли новые, нравственность появилась новая, какая-то антинравственность.

Впрочем, может быть мы просто ошибаемся, когда считаем, что человек слишком стремительно поменялся, и поменялся безвозвратно. Душа-то есть, душа-то та же самая, как бы ее ни пытались извратить. Даже когда кажется, что человека изменили полностью, что он уже другого генетического склада, ген просыпается непременно, когда это необходимо. Тот, кто не считает себя татарином или русским, он все равно остается татарином или русским, как бы он от этого ни уходил, как бы он ни считал, что он — человек мира, что он хочет походить на американца или кого-то еще.

У меня всегда это слово — российский — по отношению к национальности отдельного человека не выговаривается. Ну, российский народ, ладно, может быть. Но российский человек? У каждого из нас есть своя национальность. Не должны мы об этом забывать, потому что за этим стоит очень многое. Мы должны уважать национальность, а не отказываться от нее.

В последнее время стало легче гораздо. Уже никто не кричит, — а еще совсем недавно кричали — о том, что «патриотизм это прибежище негодяев». Сейчас все стали патриотами: и Чубайсы, и Хакамады. Значит, мы выстояли. Выстояли!

Я говорил о патриотизме еще тогда, писал даже статьи о патриотизме, но как человек я думаю, что надо иметь какие-то особые заслуги, чтобы не только тебя называли патриотом, но чтобы ты сам считал себя патриотом, нужно какое-то признание земли, не этого строя, режима, а признание земли, чтобы ты имел право так себя называть.

Многое сейчас меняется. Пройдет и это, если мы и дальше потихоньку будем добиваться своего.

Вопрос. *Каким вы видите духовное будущее России? Как вы смотрите на повсеместное распространение массовой культуры, на пропаганду пошлости, цинизма, глупости в СМИ?*

В.Г. Распутин. Мне очень приятно, что вы задаете такой вопрос. Вы называете все своими именами. А что касается будущего России, то меня более всего пугает глобалистское будущее, к которому призывает нас президент. Глобализма боятся везде, во всем мире. Выступают против не только отдельными группами, выходят миллионными демонстрациями. Удивление берет от того, что мы относимся к этому спокойно. Массовая культура, конечно, это порождение жуткое совершенно. Это подмена всего, подмена всей культуры, потому что классическую культуру, духовную культуру пытаются на какие-то подмостки загнать. Как-то Россия слишком легко принимает то, что нельзя принимать. Даже Запад, даже Америка относятся к этому насторожено, хотя в конце концов и заглатывают, но заглатывают наполовину. А у нас ощущение такое, что все готовы заглотить эту приманку.

Есть опасность столкнуть Россию в ту же самую цивилизацию, которая существует на Западе. Мы люди другой цивилизации. Я не хочу сказать, что это лучшая, но это наша цивилизация, и нам ее сохранять надо. Точно так же, как надо было сохранять нашу крестьянскую цивилиза-

цию. Нет, разогнали, ее нет. А теперь и те ценности, которые есть, в том числе, и духовные ценности, мы готовы тоже расфуговать.

Вопрос. *Ваш взгляд на современного русского человека.*

В.Г. Распутин. Конечно, я люблю этого человека. Я думаю, что те потери, которые произошли в этом человеке — это временные потери, что он так или иначе все-таки приободрится и войдет в полную форму, но пока его состояние вызывает гнетущее впечатление. А вообще мой взгляд на русского человека выражен в моей новой повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Там я постарался сказать все, что я думаю о русском человеке, и о красоте его и о слабости. Есть слабости, что там говорить.

Но, понимаете ли, мы сегодня побывали на вашей ГРЭС-2. Удивительное сооружение, конечно. Это все строилось еще тогда, при Советской власти. Так работали! А сейчас говорят откровенно, что русский человек работать не умеет. Он пьяница, он такой-сякой... Как же так получилось? Не прошло и десяти лет, а кто же все это строил, это дивное, могучее сооружение, кто это все делал? Он и строил: гидростанции, заводы. И как строил! Да и в прежние времена... Ну, да, мог и запьянствовать, но когда проходил рабочий день и кому-то надо было, чтобы остались на вторую смену, ведь не приходилось уговаривать. Ради какого-то общего энтузиазма, когда работа собирала, не было ничего красивее и лучше этой работы. На все шли. И вдруг — работать не умеет! Вдруг там, где тре-

буется срочно строить какое-то сооружение, везут рабочих из Турции, Таджикистана, Афганистана, Китая, платят им дороже. И говорят: а это потому, что русский человек работать не умеет.

Так вы его призовите. А поскольку вы его лишаете работы, он, конечно, пойдет пить, что ему остается делать? Вот и получается: турки нам строят, таджики строят, китайцы строят, китайцы везут нам свинину, они в наших иркутских местах капусту и картошку уже выращивают для нас. Да вы просто лишили русского человека того места, которое он занимал всегда и решили обойтись без него. Он стал уже какой-то докукой, которую надо кормить, пенсию выплачивать. А призвать, как раньше призывалось на целину или на ту же ГРЭС — этого же сейчас нет. Его — народа — как бы уже не существует, он лишний стал, этот народ. Вот это жутковато воспринимается.

А что касается того, что спился народ, я знаю, как пили раньше. Мне казалось, что так пить, как пили в 80-е годы, пить больше просто было нельзя. Вот тогда я написал повесть «Пожар», о том, что это уже чересчур, все границы пройдены. На все готовы были люди.

Сейчас, мне кажется, пьют меньше. Но пьют как-то вызывающе, особенно молодежь. А в деревне, о которой говорят, что она спилась, половина населения, действительно, спилась. Но зато другая половина не пьет совсем, держится, чем только можно держаться. Как говорит одна моя героиня: «Возьми устою себе, чтобы держаться». Они этого устою берут, и из последнего тянутся, воспитывают

детей, готовят себя для будущей жизни. Так, мне кажется, Россия сейчас поделилась на две половины. Одна потеряла всякую надежду, а другая держится, чтобы, когда придет время, показать себя, действительно, по-настоящему. Это взгляд на современного русского человека, взгляд не очень приятный, но не безнадежный.

Вопрос. *Какие ценности традиционной русской культуры важно сохранить сегодня?*

В.Г. Распутин. Важную ценность – ценность души – можно обрести в храме, разбудить ее в себе и найти утешение. Верующий человек, это человек сейчас, мне кажется, самый надежный.

Ценности нравственные все равно сохранятся, пройдет этот разгул. Человек должен остаться человеком, без нравственности он превратится в зверя. А кому из нас хочется превратиться в зверя?

У нас были трудные времена. Ужас что было, но все же к концу та идеология, которая была направлена на уничтожение нравственных ценностей, потом не выстояла все-таки.

Либерализм в 80-е годы пошел походом на коммунизм потому, что Россия традиционная, старая Россия, стала прорастать сквозь коммунизм. Для меня границей стал 1980 год, год 600-летия Куликовской битвы. За год до юбилея, помню, все поле было усыпано людьми. Приехали отовсюду поклониться подвигу. Проснулись, история проснулась. Стали понимать, на какой земле живем.

Ведь не для того же Господь создавал эту землю, этот народ и все народы вокруг его, чтобы это было развеяно. Не может этого быть. Испытания всегда были. Раньше были все больше физические испытания, сейчас другого рода испытания, духовные, требующие всего человека. Такого еще не бывало, мне кажется. Ну, что ж мы — народ, который привык все перемогать. Вдруг и это переможем. А надо перемогать. И я надеюсь, что через десять лет приедут писатели и с этой кафедры скажут, что все наилучшим образом состоялось. Спасибо вам.

Приложение

Статистическое описание города Ишима и Ишимской Округи*

1. Историческое сведение о городе Ишиме

Город Ишим построен в 1631 году под именем Острога Ишимского для предосторожности от нападения киргизцев, кои на здешние места начинали делать свои набеги. И до сего времени сохранилось еще в памяти, что сии кочующие народы не только похищали жителей, уводя в свои степи, но и перепродавали их в Бухарию и другие места. Когда же с 1738 года начали приводить в безопасность южные границы Тобольской губернии новою Сибирскою пограничною линиею, под названием Ишимской, которая сделавшись продолжением Оренбургской, к Востоку от реки Иртыша на 500 верст, застроена была крепостями и редутами со стороны степей Киргиз-Кайсацких; тогда менее уже нужна была защита внутренних мест Округи посредством Острога Ишимского: почему находившееся

* Сообщено Штатным Смотрителем Ишимского Уездного Училища М. Деминым.

близ оного селение переименовалось Коркиною слободою. Доныне еще видны на площади, посреди Ишима, заросшие остатки рва и вала. До образования сего города из Слободы Коркиной управление было Воеводское, при чем находились Управитель и Канцелярия, заведывавшая как Слободою, так и всею Округою.

Впрочем, хотя не находится здесь никаких, на достоверности основанных, записок, но по слухам известно, что Слобода существует не менее 200 лет, чему доказательством может служить то, что кроме каменной церкви, ныне находящейся, от заложения коей считают около 50 лет, были уже три деревянные, строенные в след друг за другом. Одна из сих последних церквей истреблена пожаром, бывшим назад тому лет за сто.

Ишим сделался городом с открытия Наместничества в 1782 году, в Царствование Императрицы Екатерины II. К достопамятностям его причислить должно, бывшие здесь в 1738, 1784 и 1824 годах сильные наводнения. Он лежит под 87°12′ долготы и 56°10′ широты. Утвержденный герб Ишима: в синем поле золотой карась.

Вышеупомянутая средина города, где простирался ров и вал с деревянными башнями, им ет возвышенность от реки Ишима на 10 саженей; к Северу и Югу она понижается, и концы города возвышаются перпендикулярно, северный на 4, а южный на 3 сажени. Левый берег реки

Ишима, омывая город, окружает его с западной, южной и восточной стороны, так что оный представляет вид полуострова.

Под строениями Ишима находится 72 десятины, а всей принадлежащей к нему земли, с градским выгоном, около 1250 десятин. Почва земли песчано-глинистая с тонким слоем чернозема на поверхности. Высокие и крутые берега с западной и восточной стороны ежегодно подмываются, так что в последние 10 лет жители должны были подмытые свои дома перенести на другие места. Многие из здешних старожилов помнят, что на том месте, где ныне протекает река, во время существования Слободы была улица и старая деревянная церковь, что доказывается высунувшимися с высокого берега старыми бревнами от бывших строений.

Река Ишим близ города имеет ширины: с Западной стороны от 40 до 50, с Южной 30, с Восточной от 40 до 60 саженей; глубины же от 2½ до нескольких саженей. В весеннее же время разливается на обширное пространство Судоходства, по мелководью в некоторых местах, на реке сей не бывает.

Климат здешний чрезвычайно непостоянен: ибо в иные годы в Апреле месяце бывают теплые дни, снег стаивает, и до 15 числа бывает распутица; в Мае иногда случаются приятнейшие дни, а иногда бывает изморозь; в Июне,

Июле и Августе дни жаркие; в Сентябре и Октябре продолжается хорошая погода; в Ноябре же земля покрывается тонким слоем снега. В 1824 году зимою не было выше 20° морозу, в 1823 г. доходила стужа до 37°; в 1825 году весна открылась поздно, деревья стали одеваться листьями к 21 числу Мая. Овощи начинают здесь садить с 15 Мая, а плод с оных собирают в первых числах Сентября.

В 1825 году жителей обоего пола в городе Ишиме считалось до 1525 душ, т.е. духовных 46 чел., военных 329, приказного звания 57, дворян, разночинцев, отставных солдат, казаков и ямщиков 354, купцов и мещан 418, дворовых людей 142, государственных крестьян 179 чел. Все они исповедания Греко-Российского. Населенность города к числу жителей всей округи составляет 1/6 часть в сравнении с оною.

В Ишиме прежде было 4 улицы: Большая, Мертвая и 2 Береговые, но ныне сии последние оторваны рекою. Город простирается в длину по улице от Южного мыса до конца строений по оной к Северу, или до дороги, ведущей к кладбищу, на 750 саж., в ширину 550 саж. Казенные дома суть следующие. Духовное Правление, ветхая гауптвахта, каменные подвалы: денежный и винный, деревянные магазины: соляный для поклажи 36000 пудов, и хлебный; три питейных дома, земляное битое строение по образцу Действ. Стат. Совет. Львова, выстроенное и связанное деревянными брусьями, острог для 100 челов. арестантов,

обнесенный высоким бревенчатым тыном и при нем караульня; Жиляковское Волостное Правление; прочие же Присутственные места находятся на наемных квартирах. Постоянных лавок 15, временных балаганов, кои выстраиваются в продолжение летней и зимней Никольской ярмарки, 85, двухэтажная каменная церковь во имя Богоявления Господня, с пределом Николая Чудотворца, а вверху во имя Успения Пресвятыя Богородицы, обывательских домов 264.

На городском выгоне в лесу и садах растут: береза, тальник, калина, рябина, боярышник и пр. Ишимским купцам принадлежат 3 небольшие рощи, находящиеся при салотопенных заводах. В оных растет мелкий березняк; строевой же лес достается за 200 и более верст из Ялуторовской и Тобольской округи. Поваренные растения находятся в изобилии: здесь садят капусту, лук, горох, бобы, огурцы, морковь, репу, брюкву, редьку, картофель, свеклу, арбузы, тыквы, дыни, а в некоторых местах разводят табак, садовый хмель, мак и пр.

По положению своему в отношении к округе город Ишим выгоден для сухопутной торговли, находясь почти в средоточии оной и отстоя от Ирбилии на 500 верст, куда отправляются купцы для закупки разных товаров, а преимущественно чаю, сахару, напитков и проч. Чай местами продается здесь от 350 до 400 р., а иногда и менее; сахар от 50 до 80 руб. пуд. Кроме Ирбитской ярмарки торговые люди имеют свои обороты в Петропавловске,

Тюмени и Екатеринбурге. В Ишиме бывают две годовые ярмарки: первая и важнейшая зимняя Никольская, 6 декабря, на кою собираются купцы и торговые промышленники из Тюмени, Тобольска, Шадринска и Екатеринбурга для покупки хлеба, сала, кож выделанных и невыделанных, и проч. Вторая, летняя Никольская, Мая 9 дня, на которой привоз товаров простирается от 50 до 75 000 руб.

Надобно думать, что Округа Ишимская получила свое образование вскоре после завоевания Царства Сибирского и Русские селения начали появляться там по крайней мере с 1600 г., чему протекло уже с лишком двести лет. Если б можно отыскать здесь старинных сей страны обитателей, живших прежде заселения Русских, то можно б было вывести какие-либо догадки о здешних коренных жителях; но ныне не встречаешь здесь никого, кроме Россиян, кои как будто бы заселили земли, прежде их никем не обитаемые. Впрочем ежели Киргизцы и калмыки и кочевали на здешних степях, делая набеги на Русские селения и уводя жителей в плен, но весьма вероятно, что они по мере увеличения Русских начали постепенно удаляться к Югу, а по заведении пограничной линии и вовсе в здешних местах их не стало; постоянное же себе жилище избрали они вне Ишимской Округи.

Известно, что управление Округи состояло прежде в ведении Дистрикта Ишимского, а в слободе Коркиной было Воеводское, всем составом заселения заведывающее. С 1782 года по открытии города Ишима из оной

слободы образовалась округа, состоявшая под управлением Земской Полиции, в 1804 году разделена была она на 5 Комисарств: 1) Черемшанское, в коем заключалось 5 волостей: Жиляковская, Черемшанская или Безруковская; Боровская, Ларихинская и Гагарьевская; 2) Абацкое, с 6-ю волостями: Абацкою, Фирсовскою или Тушнолобовскою, Пановскою, Камышенскою, Готопустовскою и Челноковскою; 3) Малышенское с 5-ю волостями: Арамашевскою, Малышенскою, Карасульскою или Тоболовскою, Медведевскою или Голымшанскою и Усламиновскою; 4) Петропавловское с 5-ю волостями: Ильинскою, Красноярскою, Соколовскою, и Сладковскою и 6-ое) Бердюжское с 4-мя волостями: Утчанскою, Бердюжскою, Частоозерскою и Армизонскою. Ныне вся округа вообще состоит из 24 волостей.

Ишимская округа граничит к Северу с Тобольскою и Татарскою, к Востоку с Тюкалинскою, к Югу с Петропавловскою и Омскою; а к Западу с Курганскою и Ялуторовскою округами. Она простирается на 884 версты 75 саженей, содержит по меньшей мере 250 верст ширины. Плоскость же или поверхность ея содержала в прежних границах 1677 2/5 Географ. миль, 82182 1/3 версты, 8560,664 десятины 150 квадратных саженей; но так как к Тюкалинской Округе и Омской области отошли земли примерно до 960,660 десят., то Округа Ишимская действительного пространства имеет около 7,600,000 десятин, 72,960 квад. верст, или 1489 Географич. квадр. миль.

Течение реки Ишима с правой стороны сопровождается возвышенностью от 5 до 12 саж., которая, равно как и самая река, получив свое начало в степи Киргиз-Кайсацкой Средней Орды, уходит в Тарскую Округу. Впрочем, весь уезд состоит из плоских и ровных мест. Северная часть Ишимской округи и особенно Готопустовская, Челноковская, большая часть Аромашевской, Малышенской, Медведевской, Тобольской и Черемшанской волостей содержит много болотистых мест; Юго-западная часть округа изобильна озерами, а Юго-восточная заключает обширные степные места и изредка большие и мелкие озера. Вся округа представляет пространную степь, частью совершенно открытую, а частью поросшую лесом, и более березовым. Сию степь разделить можно на высокую и низкую: первая несколько песчана, щебниста и требует повсеместного удобрения, а последняя состоит из черной рыхлой земли, но неудобна к хлебопашеству.

Выключая землю, занятую уже пашнями, покосами, лесами, негодную к возделыванию и проч., найдется, что способной к населению и обработанию земли, судя по нынешнему народонаселению, остается еще в семь раз более, нежели сколько оной ныне занимается. Ишимская степь славится превосходными паствами, а потому и главный промысел жителей состоит в скотоводстве, которое было бы крайне прибыточно, если б не случалось частых поветрий на скот, а более на лошадей.

В Ишимской округе считается до 120 рек, а Главнейшие из оных суть следующая: 1) Ишим, протекающая на 320 верст. Имеет ширины до 30, 40, 50 и 60 саженей, и 2) Вагай, выходящая из Ялуторовской округи, протекающая до 115 верст и имеющая ширины от 20 до 36 саж. Омыв Северо-Западную сторону Ишимской округи, она входит в округу Тобольскую. Она могла бы быть судоходною, если б не было на ней прудов для мельниц. Река Ишим берет начало свое под 52° широты в Киргиз-Кайсацкой степи из хребта гор, именуемых Киргизцами Консе Тау. Длина оной более 700 верст и впадает под 58° ширины в Иртыш.

Всех вообще озер 400, но примечательных 9, из коих некоторые простираются на 50, а другие более 20 верст.

Из Метрических книг по Ишимскому Духовному Правлению составленных в 1824 году, явствует, что в ведении оного состоит 29 церквей, к коим принадлежат 2 города, 3 крепости, 14 редутов, 4 слободы, 20 сел, 470 деревень с высеками. Прихожан в них считается 51,557 душ муж. пола и 57,753 жен., всего 109,300 душ обоего пола, не включая в сие число иноверцев, коих по меньшей мере простирается до 10,690 душ.

Судя по пространству Округа сия населенностью очень незначительна, ибо на каждую квадратную версту приходится с небольшим по 1 душе, на квадратную Географич. милю 60 душ, или на одного человека более 88 десятин. В равнении с Коломенским Уездом Московской Губернии, который в 1782 г. содержал на квадратной версте 44 ду-

ши, или 2156 душ на квадр. миле, Округа Ишимская на равном почти пространстве населена менее, нежели в 36 раз. Если б население сей последней равнялось с Уездом Коломенским, то она вмещала бы в себе более 3 миллионов душ.

Хотя климат здешний, при постоянной атмосфере, вообще здоров и многие люди доживают до глубокой старости, однако ж часто случаются и господствующие здесь горячки и лихорадки, кои наиболее свирепствовали в 1824 и 1825 годах. Что же касается до так именуемой Сибирской язвы, то оная в особенности была гибельна в 1801 году, когда количество падшего скота простиралось до 60,000 штук и большей частью лошадей. Сие несчастье, равно как и повсеместный неурожай в 1820 и 18-21 годах хлеба и травы, и большой падеж рогатого скота, истребивший до 40000 штук привели многих крестьян в крайнее разорение: а особенно в Южной половине Ишимской Округи, ближайшей к степи, откуда ворвалась зараза.

Вся Ишимская округа имеет земли следующие количество: градской выгон и внутри округи пашенная земля, сенной покос и усадьбы занимают 641,333 десят., 2191 саж., лес 157,327 дес. 2475 саж., неудобной под реками, озерами и проч. 630, 472 десят. 874 саж., неизмеренных мест 7,131, 429 дес. 1919 саж.

Лесов здесь не слишком изобильно, и есть селения, крайне в оных нуждающиеся. Главнейший же недостаток

чувствителен в строевом лесе, который привозится сюда из округ Ялуторовской, Курганской, Тобольской.

Что касается до народонаселения Ишимской округи, то о сём можно иметь некоторое сведение по соображению с ведомостью 1822 года. По оной считалось платящих подати Государственных и Экономических крестьян 41,511 душ. Татар 202, Бухарцов, вносящих 18 коп. сбор, 38 душ, Наманганцев 5, ямщиков, не поступивших в подушный оклад 1639, посельщиков на льготе 298, отставных воинских нижних чинов 101, солдатских детей 171, дворовых людей 51. Казенных волостей 26, крепостей 4, редутов 14, сел 28, деревень 426, церквей 20, крестьянских домов 14,128, питейных домов и выставок 37, водяных мельниц 181, ветряных 1400, кузниц 200, овинов 9002*. К 1823 году состояло в Округе 88 магазейнов запасных и 4 амбара; хлеба в оных находилось 64,177 четвертей озимого и 11,495 чет. ярового. По худому в том году урожаю вымолоченного зернового хлеба разного рода, как то: ржи, пшеницы, ячменю и овса до 150,000 четвертей.

Примеч. В урожайные годы на продовольствие жителей, продажу вне Округи по казенным подрядам и по вольной продаже в магазейны линейных крепостей, в Тобольск и на винокуренные заводы Петровский и Падунский примерно приготовляется следующее количество: муки ржаной до 1 500 000 пудов, пшеничной около 200 000 четв.,

*В 1825 году считалось волостей 24, крепости и редуты отошли к Омской области, слобод 24, деревень 440, церквей 24, кроме 4-х линейных, в том числе каменных, крестьянских домов до 12 000

ячменя и овса в зерне до 20 000 четв., на посев и в запас оставляется ржи 50 000 четв., пшеницы 3500, ячменя и овса 5000, прочего хлеба до 1500 четв.; сена накашивается до 6 миллионов копен, из коих каждая от 3 до 5 пудов весом.

Кроме сказанных выше ярмарок в Ишимской Округе бывают еще: 1) в Слободе Абацкой, называемая Крещенская, 3 Января, продолжающаяся около недели, на которую привоз товаров простирается до 120 000 руб., и Петровская, 29 Июня, бывающая три дня, где в обороте 55 000 руб.; 2) Слободе Устламинской – в девятую пятницу: товаров на сию ярмарку привозится на 100 000 руб., и Козмодемьянская, 1 Ноября, где обращается до 36 000 руб., 3) в селе Фирсовском: Георгиевская, Апреля 23, на которую привоз товаров простирается до 15 т. руб.; 4) в селе Бровом: Прокопьевская, 8 Июля, где торговля бывает не свыше, как на 5000 руб. и 5) в Арамашевском, Покровская, 1 Окт., на коей обращается до 10 000 руб.

Касательно хлебопашества должно заметить, что землю здесь не унавоживают. Вновь вспаханное поле может служить только от 6 до 8 лет, и в первые пять лет приносит урожаю семь – десять; но после год от году плодородие уменьшается. Пашни здешние требуют отдыха от 15 до 20 лет. Время возделывания земли, смотря по погоде, начинается на исходе Апреля, т.е. не ранее 23 числа и не позже 9 Мая; а сенокос с 8 Июля; жнитво оканчивается в Авгус. месяце, а иногда с сенокосом продолжается до 1 Октября. Хлебу весьма много причиняет вреда са-

ранча (кобылка), которая в продолжение 1817–1825 годов опустошала поля два раза. Происхождение ее полагают в степи Киргизской, ибо хлеб сперва начинает она поедать в полях Южных селений и подвигается далее к Северным. Зажиточные и трудолюбивые крестьяне засевают до 100 десятин земли, сена косят от 1000 до 2000 копен, лошадей содержат от 50 до 70, коров до 40, овец и другой мелкой скотины голов до 100. Не столь рачительные крестьяне вспахивают земли от 15 до 25 десятин, скота держат втрое менее; бедные же обрабатывают только от 1 до 3 десятин.

Если погода бывает благоприятною и дожди падают своевременно, то все продукты делаются дешевыми, так напр.: в 1819 году продавались: воз сена, весом в 20 пудов, по 1 руб. и менее, мука пшеничная от 50 до 70 коп. пуд, четвертями по 4 рубля с небольшим, говядины пуд от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. Напротив того 1820, 1821, а особливо 1822-й годы были гибельны, как по скотскому падежу, так и по неурожаю. Тогда четверть ржи вместо 2 руб. продавалась от 12 до 15 руб., пшеница по 18 руб. Хлеб из Округи вывозится мукою по большей части в Тобольск, на Ишимскую линию, по казенным подрядам в крепости, на винокуренные заводы и в Округу Ялуторовскую.

В заключение сих замечаний об Ишиме и его Округе прилагается следующая записка по Ишимскому Окружному Казначейству:

В 1824 году поступило в оное: 1) окладных постоянных доходов: с купеческих 7 душ, капиталов, коих объявлено 36 000 руб., 1714 руб. 75 коп., с мещан и цеховых, 417 душ по 8 руб., подушных 3336 р., с крестьян Государственных 37 919 душ, с ямщиков 1487 душ, экономических 506, с Татар 4 душ, а всего с 39 916 душ по 11 руб., 439 153 руб., с помещичьих и дворовых 139 душ по 3 руб., 417 руб., 2) окладных непостоянных: питейных откупных 175 000руб., и за вино 25 000 ведер, по 2 руб., 50 коп. 62 500, всего 237 500 руб., 3) неокладных постоянных и временных: за соль 21 757 руб., пошлинных с гербовой бумаги, паспортов, купчих и других актов до 10 000 руб., почтовых сборов 7442 руб., сборов на земские повинности 41 073 руб., с прочими мелкими взносами вступило в Казначейство всего 8 000 147 р., 20¾ к. Из сего числа в расходе было: отосланных в Санкт-Петербургское Главное Казначейство остатков 460, 807 руб. 17 коп., употреблено на пересылку 4608 руб. 13 коп., на городские расходы 11459 руб. 63 коп., на закупку, провианта 25 000 руб.,на подряд почтовых, обывательских и этапных лошадей на счет земских сборов 64 000 руб., на все присутственные места в городе Ишиме и на чиновников 18 455 руб. 64¼ коп., в пансионы выдается до 1262 руб. С 1824 года по расписанию, утвержденному Генерал-Губернатором Западной Сибири, на земские повинности и на дороги следует сбору: 1) с состоящих во 2-ом разряде Арамашевской, Устламинской, Боровской, Готопутовской, Утчанской и проч. волостей с ревижской души на земские повинности по 4 руб. 94 коп., дорожных

по 1 руб. 14 коп., всего с души по 6 р.8 к. Итого: 105,078 руб. 40 коп., 2) с волостей третьего разряда: Жиляковской, Черемшанской, Тоболовской , Медведковской, Фирсовской, Абацкой и пр. на земские повинности по 3 р. 96 коп., дорожных по 91 коп., всего с души по 4 руб. 37 коп. – 89000 руб. 26 коп.; 3) с волостей 4 разряда Ларихинской, Казанской, Соколовской на земские повинности по 2 руб. 97 коп., дорож. по 68 к., всего по 3 руб. 65 коп. – 1545 руб. 10 коп. А всего по Ишимской округе на повинности и дороги предположено сбору в год 210,254 руб. 76 коп. Сверх того с капиталов купеческих собираются особенные проценты на сей предмет; на мещан же и дворовых положен особенный сбор.

Примечание

Очерк М. Демина «Статистическое описание города Ишима и Ишимской округи» печатается в полном объеме по первой его публикации в «Прибавлении к Казанскому вестнику» за 1829 г. № 25, 27, 29, 32, 33, с сохранением большинства особенностей правописания того времени, за исключением некоторых буквенных обозначений, дающихся в современном виде, а также с исправлением некоторых опечаток и знаков препинания.

Оглавление

От автора .....

Сибирь как пространство культуры .....

Сибирь в представлениях и творческих замыслах А.С. Пушкина .....

У истоков судьбы Петра Ершова .....

Ишимское поселение А.И. Одоевского .....

Декабрист В.И. Штейнгейль на земле Тобольской губернии .....

Сатирический журнал «Медведь» .....

В.Г. Распутин. Три дня в Сургуте .....

Приложение .....

Дворяшин Юрий Александрович

ПОСТИЖЕНИЕ СИБИРИ
Очерки просвещения и культуры
Тюменского края

Художник А.Л. Семенов
Компьютерная верстка Д.Н. Якунин
Корректор Т.В. Емельянова

Изд. лиц. ЛР № 02938 от 03.09.2000

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурский».
Печать офсетная. Печ. л. 9,0. Тираж 1000 экз.

ДИОРИТ
СУРГУТ
2004